

Сильнее страха

Автор:

Марк Леви

Сильнее страха

Марк Леви

Эндрю Стилмен, журналист «Нью-Йорк таймс», с трудом приходит в себя после покушения на его жизнь. У него нет сил работать, ему не удастся вернуть любимую женщину. Единственная радость – чтение. Однажды он знакомится в библиотеке с серьезной и немного странной девушкой Сьюзи: она что-то упорно ищет, изучая целые горы книг. Эндрю, соскучившись по интересной работе, охотно соглашается ей помочь, даже не догадываясь, что его намеренно втянули в смертельно опасную историю.

Марк Леви

Сильнее страха

Marc Levy

UN SENTIMENT PLUS FORT QUE LA PEUR

© Editions Robert Laffont / Susanna Lea Associates, 2013

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2013

© Дизайн. Frank Liu

© Фото на обложке. Nivek Neslo / Getty Images

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моей жене

Пролог

Аэропорт Бомбея, 23 января 1966 года, 3 часа ночи. Последние пассажиры рейса № 101 авиакомпании «Эйр-Индия» бегут по бетону и поднимаются по трапу в «Боинг-707». В опустевшем зале вылета стоят рядом двое, глядя через стекло на летное поле.

– Что в конверте?

– Вам лучше этого не знать.

– Кому я должен его передать?

– Во время посадки в Женеве вы отправитесь в бар, остановитесь у стойки и закажете себе выпить. К вам подойдет человек и предложит угостить вас джин-тоником.

– Я не пью спиртного, сэр.

– Тогда просто любуйтесь стаканом. Собеседник назовется Арнольдом Кнопфом. Полагаюсь на ваше умение хранить тайну – знаю, вам его не занимать.

– Мне не нравится, что вы используете меня для своих делишек.

– С чего вы взяли, что это «делишки», дорогой Адеш? – Тон Джорджа Эштона был далек от любезности.

– Хорошо, но после этой командировки мы квиты. Вы в последний раз используете индийскую дипломатическую почту в личных целях.

– Я сам решу, какой раз будет последним. Для вашего сведения, в том, что я вас прошу сделать, нет ничего личного. Не опоздайте на самолет, я получу нагоняй, если опять придется задерживать вылет. Отдохните в полете, что-то вы неважно выглядите. Через несколько дней вы будете участвовать в конференции ООН в Нью-Йорке. Везет вам, лично меня уже тошнит от вашей здешней кормежки, иногда даже снятся сочные хот-доги с Мэдисон-авеню. Полакомьтесь там вкусненьким за мое здоровье.

– Я не ем свинины, сэр.

– Вы действуете мне на нервы, Адеш. Ладно, счастливого пути!

Адеш Шамаль так ни с кем и не встретился в баре женевского аэропорта. После двух посадок – в Дели и в Бейруте – самолет снова взмыл в воздух в 3 часа ночи. После взлета оказалось, что барахлит один из двух бортовых радионавигационных приборов.

В 6 часов 58 минут 54 секунды командир экипажа получил от регионального диспетчерского центра в Женеве разрешение спуститься за Монбланом на уровень 190.

В 7 ч. 43 мин. командир экипажа доложил, что оставил позади Монблан и начинает снижение для посадки в Женеве. Диспетчер немедленно ответил, что координаты борта неточны и что на самом деле от горного кряжа его отделяют еще пять миль. В 7 ч. 2 мин. 6 сек. командир доложил, что сообщение диспетчера получено.

Утром 24 января 1966 г. в 7 ч. 2 мин. 00 сек. рейс «Эйр Индия» № 101 на целую минуту застыл на радаре диспетчера неподвижной точкой, после чего исчез.

«Боинг-707», получивший название «Кан-ченджанга», врезался в скалы Турнет на высоте 4670 метров. Никто из 11 членов экипажа и 106 пассажиров не выжил.

Итак, спустя шестнадцать лет после катастрофы «Малабар Принцесс» еще один лайнер авиакомпании «Эйр Индия» разбился на горе Монблан в том же самом месте.

1

24 января 2013 г.

Гору завалило снегом, ураганный ветер гнал густую поземку, видимость приближалась к нулевой. Двое альпинистов, соединенные страховкой, с трудом могли разглядеть собственные руки. Двигаться в этой белой клубящейся мгле стало невозможно.

Вот уже два часа Шамир мечтал о том, чтобы повернуть назад, но упрямица Сьюзи все шла и шла вперед, пользуясь тем, что вой ветра не позволял ей слышать его настойчивые призывы отказаться от восхождения и спуститься. Разумнее всего сейчас было бы остановиться, вырыть яму в снегу и спрятаться в ней. При такой скорости передвижения они все равно до темноты не успели бы добраться до укрытия. Шамир замерз, лицо покрылось инеем, руки и ноги

начали неметь, и это его тревожило. Альпинизм может очень быстро превратиться в игру в прятки со смертью. У гор не бывает друзей, для них все пришлые – чужаки. Когда горы не хотят кого-то к себе впускать, с этим нужно смириться. Шамир злился: неужели Сьюзи забыла все, чему он учил ее, прежде чем пойти с ней в горы?

Однако на высоте 4600 метров, в разгар снежного бурана, жизненно необходимо сохранять хладнокровие, поэтому Шамир принялся искать среди своих воспоминаний такое, которое подействовало бы на него как успокоительное.

Прошлым летом они со Сьюзи тренировались на пике Грейс в Национальном лесном заповеднике Арапахо. Но горы Колорадо сильно отличаются от Альп, тамошние климатические условия не идут ни в какое сравнение с тем, с чем они столкнулись сейчас.

Восхождение на пик Грейс послужило поворотным пунктом в их отношениях. Вернувшись в долину, они остановились в маленьком мотеле в Джорджтауне, впервые поселившись вместе. Мотель был самый заурядный, зато постель в номере громадная, и они провели в ней два дня подряд. Два дня и две ночи они лечили тела друг друга от ран, нанесенных горами. Порой бывает достаточно едва ощутимого движения, простого внимания, чтобы убедить себя, что ты нашел родственную душу. Именно так и случилось с Шамиром.

Прошел год с тех пор, как Сьюзи, сияя обворожительной улыбкой, появилась у него на пороге. В Балтиморе и его окрестностях улыбчивые люди – редкость.

– Похоже, вы – лучший инструктор по альпинизму во всей стране! – произнесла она вместо приветствия.

– Даже если бы это было правдой, гордиться все равно нечем: Мэриленд плоский, почти как пустыня. Его наивысшая точка находится на отметке тысяча с чем-то метров, туда самостоятельно забрался бы пятилетний ребенок...

– Я прочла у вас в блоге отчет о ваших экспедициях.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил Шамир.

- Мне нужен проводник и терпеливый инструктор.
- Я - не лучший альпинист в стране и не беру учеников.
- Возможно, но я в восторге от вашей техники и ценю простоту ваших приемов.

Не дожидаясь приглашения, Сьюзи проскользнула к нему в гостиную, где и объяснила причину своего прихода. Ей захотелось стать за год опытной альпинисткой - это притом что, как она призналась, ей ни разу не приходилось подниматься в горы.

- Почему сейчас? Почему так быстро? - поинтересовался Шамир.

- Некоторые слышат в один прекрасный день зов Бога; в моем случае это был зов гор. Каждую ночь мне снится один и тот же сон: я взбираюсь на заснеженные вершины, вокруг абсолютная тишина - полный восторг, с ума сойти! Так почему бы не перейти от снов к реальности, почему не освоить эту премудрость?

- Здесь нет явного противоречия, - проговорил Шамир и, видя недоумение Сьюзи, объяснил: - Я говорю о зове Бога и о зове гор. Просто Бог более молчалив, а горы полны звуков: то это глухое ворчание, то оглушительный треск, то ужасающее завывание ветра...

- Я бы предпочла безмолвие. Когда мы могли бы начать?

- Мисс...

- Бейкер. Но вы называйте меня Сьюзи.

- Я поднимаюсь в горы именно в поисках одиночества.

- Можно оставаться в одиночестве, даже когда рядом другой человек. Я не болтлива.

- За год не стать опытной альпинисткой, разве что станете тренироваться круглые сутки...

– Вы меня еще не знаете. Когда я за что-то берусь, меня ничто не остановит. Таких упорных учеников, как я, у вас еще не было.

Освоение скалолазания стало для нее наваждением. Не найдя более убедительных доводов, она предложила ему денег, чтобы он смог как-то улучшить свою жизнь – например привести в порядок свой домик, явно нуждавшийся в ремонте. Шамир перебил ее, дав первый урок, – она сочла эти его слова началом обучения, на самом же деле то был простой совет: на крутом склоне необходимо спокойствие, самообладание, умение воздерживаться от лишних жестов. Полная противоположность ее манере!

Провожая ее к двери, он пообещал, что подумает и непременно с ней свяжется.

Когда она спускалась по ступенькам крыльца, он задал ей вопрос: почему он? Ему требовался искренний ответ, а не лесть.

Сьюзи обернулась и долго на него смотрела, прежде чем ответить:

– Все решила ваша фотография в блоге. Мне понравилось ваше лицо. Я привыкла доверять своему инстинкту.

Ничего к этому не прибавив, она зашагала прочь.

Уже назавтра она явилась за ответом. Загнав машину на подъемник в автомастерской, где трудился Шамир, и справившись у хозяина, где его найти, она решительным шагом направилась к смотровой яме: там Шамир менял масло в старом «кадиллаке».

– Что вы здесь делаете? – спросил он, вытирая руки о комбинезон.

– А вы как думаете?

– Я же сказал, что подумаю и перезвоню.

– Я заплачу за подготовительный курс сорок тысяч долларов. Если вы согласитесь натаскивать меня в выходные, по восемь часов в день, на это уйдет в общей сложности восемьсот тридцать два часа. Я знаю альпинистов, которые поднимались в горы, имея даже меньше опыта. Сорок долларов в час – заработок врача-терапевта. Платить вам я буду каждую неделю.

– Чем вы занимаетесь, мисс Бейкер?

– Сначала я потратила много времени на бесполезную учебу, потом работала у антиквара, пока его приставания не стали слишком настойчивыми. С тех пор я нахожусь в поисках себя.

– Иными словами, вы – папина дочка, не знающая, как убить время. У нас с вами мало общего.

– В прошлом веке буржуа задирали нос перед рабочими, а теперь все наоборот, – ответила она резкостью на резкость.

Шамир недоучился – не хватило денег. Сумма, которую Сьюзи была готова отвалить за уроки альпинизма, многое изменила бы в его жизни. Но он никак не мог разобраться, нравится ли ему эта напористая и самоуверенная девчонка или она его раздражает.

– Я не привык выносить поспешные суждения о людях, мисс Бейкер. Просто я механик, и разница между нами очевидна: для меня работа – каждодневная необходимость. К тому же меня могут уволить за то, что я болтаю с хорошенькой женщиной, вместо того чтобы менять масло в машине. Это было бы крайне неприятно.

– Мы с вами не просто болтаем. А за комплимент спасибо.

– Я позвоню вам, как только приму решение, – отрезал Шамир и спрыгнул обратно в яму.

Свое обещание он выполнил в тот же вечер. Как обычно, он ужинал в заведении быстрого питания в двух шагах от автомастерской. Разглядывая содержимое

своей тарелки, он набрал номер Сьюзи Бейкер и назначил ей встречу в субботу в 8 часов утра в спортивном комплексе в дальнем пригороде Балтимора.

На протяжении полугода они посвящали все выходные лазанию по бетонной стене. Потом Шамир стал возить Сьюзи на настоящие скалы. Она не солгала: его не переставала изумлять ее решимость. Она никогда не поддавалась усталости. Когда ноги и руки начинали так болеть, что любой на ее месте отказался бы продолжать, она только усиливала хватку.

Когда Шамир объявил, что она готова к первой вылазке в настоящие горы и что, дождавшись наступления лета, он поведет ее на штурм главной вершины Колорадо, Сьюзи на радостях пригласила его на ужин.

Если не считать нескольких совместных походов в закусовые в дни обучения, это была их первая совместная трапеза. В тот вечер Шамир поведал ей о своей жизни, о том, как приехали в Америку его родители, об их скромной жизни, о жертвах, на которые они пошли ради того, чтобы он получил образование. Сьюзи не стала рассказывать о себе сверх того, что он и так знал: она живет в Бостоне и тратит все выходные на тренировки под его руководством; новостью стало сообщение о намерении покорить на будущий год гору Монблан.

Шамир уже пытался совершить восхождение на вершину Монблана, когда выиграл годом раньше университетский конкурс и разжился деньгами на поездку в Европу. Но в тот раз гора ему не покорила: ему пришлось повернуть назад, когда до вершины оставалось несколько часов пути. Он все еще не избавился от чувства горького разочарования и успокаивал себя тем, что вернулся в лагерь вместе с товарищами живым и невредимым. Монблан часто губил тех, кто проявлял упорство.

- Вы говорите о горах так, словно у них есть душа, - сказала она ему под конец ужина.

- В это свято верит каждый альпинист. Надеюсь, и вы теперь тоже.

- Вы бы туда вернулись?

– Если бы нашел средства, вернулся бы.

– Шамир, я хочу сделать вам непристойное предложение: давайте, когда закончится мой учебный курс, я сама вас туда отвезу.

Шамир полагал, что Сьюзи еще не достигла уровня, позволявшего подступиться к Монблану. К тому же на такое путешествие пришлось бы изрядно потратиться. Поэтому он с благодарностью отклонил ее предложение.

– Меньше чем через год я совершу восхождение на Монблан – либо с вами, либо без вас! – заявила Сьюзи, вставая из-за стола.

Сразу после их сближения в Колорадо с поцелуями на вершине пика Грейс Шамир отказался принимать у нее плату за инструктаж.

Следующие полгода Сьюзи не давала ему покоя своей навязчивой идеей – покорением высочайшей точки Европы.

Как-то ноябрьским утром у Шамира со Сьюзи единственный раз вышла ссора. Вернувшись домой, он застал ее сидящей по-турецки на полу в гостиной перед расстеленной картой. Ему хватило брошенного мельком взгляда, чтобы узнать очертания горного массива, по которому Сьюзи провела красным карандашом маршрут восхождения.

– Ты еще не готова, – повторил он, наверное, в сотый раз. – Ну почему ты не можешь наконец оставить эту нелепую идею, втемяшившуюся тебе в голову!

– Потому что не могу! – отрезала она и сунула ему под нос два авиабилета. – Мы вылетаем в середине января.

Он бы и летом не осмелился пойти с ней на штурм Монблана, в январе же и подавно. Сьюзи пыталась его убедить, что в разгар сезона Монблан становится туристической Меккой, а она мечтает забраться на эту вершину только с ним вдвоем. Она несколько недель разрабатывала маршрут и теперь представляла его в мельчайших подробностях.

Шамир дал волю своему негодованию. На высоте 4800 метров содержание кислорода в воздухе уменьшается вдвое, у тех, кто рискнет подняться на такую высоту без надлежащей подготовки, начинается головная боль, тошнота и головокружение, ноги становятся ватными. Зима – сезон для опытных альпинистов, до которых Сьюзи еще далеко.

Но упрямица твердила свое:

– Мы пройдем через Дом-дю-Гуте к вершинам Бос. В первый день мы доберемся до станции Ни-д'Эгль. Оттуда шесть, от силы восемь часов пути до приюта Тет-Рус. На рассвете доберемся до Домского перевала, оттуда пойдем к стоянке Валло. 4362 метра – это высота пика Грейс. Обещаю, отсюда мы повернем назад, если погода не позволит идти дальше. Потом – Гранд и Птит Бос, – продолжала она, все больше приходя в возбуждение и тыча в красный крестик на карте. – Наконец, скала Турнет – и сама вершина. Фотографируемся там – и вниз. Вершина, о которой ты всегда мечтал, покорится тебе!

– Я мечтал сделать это совсем не так, Сьюзи, не рискуя понапрасну. Мы обязательно совершим восхождение на Монблан – но только тогда, когда у меня будут средства, чтобы самому повезти туда тебя. Даю слово! А этой зимой – нет: это было бы самоубийством.

Но Сьюзи и не думала отступить.

– А если с той самой минуты, когда мы впервые поцеловались на вершине пика Грейс, я мечтаю о том, чтобы на вершине Монблана ты сделал мне предложение? А если для меня самое лучшее время для этого – январь? Разве это не важнее твоих дурацких метеорологических соображений? Ты все портишь, Шамир, я просто хотела...

– Я еще ничего не испортил, – пробормотал он. – Ты все равно всегда добиваешься своего. Хорошо! Но учти, с этой минуты я ни разу не дам тебе передохнуть. Каждый свободный момент должен быть посвящен подготовке к этому безумию. Ты должна подготовиться не только к восхождению на эту гору, гораздо более коварную, чем кажется, но и к тамошнему климату. Ты даже не представляешь себе, что значит попасть в ураган на такой высоте!

Теперь Шамир вспоминал каждое слово, произнесенное тогда, в тепле его дома в Балтиморе, стараясь не думать о боли, которую причиняли острые иглы инея, впиваясь ему в лицо.

Ветер крепчал с каждой секундой. Сьюзи, находившаяся в каких-то пятнадцати метрах от него, казалась всего лишь тенью – так свирепствовал накрывший их снежный буран.

Нельзя было поддаваться страху, потеть: испарина на высокогорье смертельно опасна. Пот обволакивает кожу и при снижении температуры тела замерзает.

Еще больше его тревожило то, что Сьюзи идет первой в связке: ведь это он наставник, а она ученица. Но она отказывалась двигаться медленно и уже час назад опередила его. Стоянка Валло осталась далеким воспоминанием. Оттуда надо было отправиться вниз, а не вверх! День уже померк, когда они решили продолжить подъем и сунулись в этот головокружительный проход.

Сквозь рваную снежную пелену, вздымаемую ветром, он заметил, как Сьюзи машет ему. Между двумя альпинистами в связке принято соблюдать безопасное расстояние в 15 метров, но Сьюзи наконец-то сбавила шаг, и Шамир рискнул забыть о правилах и приблизиться к ней. Дождавшись его, она крикнула ему в ухо, что уверена: она видит впереди скалы Турнет. Если им удастся до них добраться, то можно будет передохнуть, прижавшись к отвесной стене.

– Не доберемся, слишком далеко! – крикнул Шамир.

– У тебя есть предложение получше? – спросила Сьюзи, дергая за веревку.

Шамир пожал плечами и обогнал ее.

– Не иди прямо у меня за спиной! – приказал он ей, втыкая в снег ледоруб.

И почувствовал, что под ледорубом нет опоры. Зная, что уже поздно, он все же обернул-ся, чтобы предупредить Сьюзи об опасности.

Веревка натянулась, Сьюзи швырнуло вперед, и она, пытаясь сопротивляться, но не в силах помешать неизбежному, полетела следом за Шамиром в расселину,

разверзшуюся у них под ногами.

Катясь по крутому склону, они не могли даже замедлить падение. Комбинезон на Шамире порвался, лед ободрал ему бок. Он ударился о камень головой – по ощущению это было похоже на апперкот. Он ослеп от залившей глаза крови. Задыхаясь, он отчаянно ловил ртом воздух. Альпинисты, пережившие падение в расселину, утверждают, что чувствовали себя утопленниками. Именно такое чувство было сейчас и у него.

Им не за что было ухватиться, поэтому скорость падения лишь нарастала. Шамир из последних сил выкрикивал имя Сьюзи, но не слышал ни звука в ответ.

Падение внезапно прервалось. Глухой удар, резкая остановка, как будто гора, проглатывая его, решила послать его в нокаут.

Он задрал голову и увидел обрушивающуюся на него белую массу. Дальше была тишина.

2

Чья-то ладонь сметала снег с его лица. Откуда-то издали до него донеслась мольба открыть глаза. Он увидел в дрожащем ореоле склоненное к нему мертвенно-бледное лицо Сьюзи. Стуча от холода зубами, она стянула перчатки и вытерла снег с его губ и ноздрей.

– Ты можешь пошевелиться?

Шамир утвердительно кивнул. Собравшись с силами, он попробовал сесть.

– Болят ребра, еще плечо... – прошептал он. – А ты как?

– Как будто по мне проехался каток. Но вроде бы обошлось без переломов. Упав в расселину, я потеряла сознание. Понятия не имею, сколько времени прошло после нашего падения.

- Ты смотрела на часы?

- Они разбились.

- А мои?

- У тебя на запястье я часов не вижу.

- Ладно. Надо что-то предпринять, иначе мы умрем от переохлаждения. Помоги мне выбраться.

Сьюзи принялась раскапывать снег, в который Шамир провалился по пояс.

- Это я во всем виновата! - стонала она, стараясь освободить его из снежного плена.

- Ты видела небо? - спросил он, пытаясь выбраться.

- Кусочек, но я не поняла, который час. Придется ждать рассвета.

- Расстегни на мне комбинезон, попробуй меня растереть. Скорее, я просто подыхаю от холода! И надень перчатки, живо! Если отморозишь пальцы, нам обоим крышка.

Сьюзи схватила свой рюкзак, спасший ее при падении, вытащила оттуда футболку, расстегнула молнию на комбинезоне Шамира и принялась ожесточенно его массировать. Шамир с трудом сдерживался, чтобы не закричать от невыносимой боли. Вытерев его более-менее насухо, Сьюзи кое-как забинтовала его, застегнула комбинезон и развернула свой спальный мешок.

- Заберемся туда вместе! - скомандовал он. - Нужно сохранить тепло. Это наш единственный шанс.

В кои-то веки Сьюзи подчинилась. Прежде чем лечь, она порылась в рюкзаке, нашла сотовый телефон и проверила его экран, прежде чем выключить. Потом помогла Шамиру заползти в спальный мешок и прижалась к нему.

- Я совершенно без сил...

- Надо бороться. Если уснем, то уже не проснемся.

- Думаешь, нас найдут?

- До завтра нашего исчезновения никто не заметит. Сомневаюсь, чтобы спасатели стали искать здесь. Придется самим отсюда вылезать.

- Как?

- Сначала поднакопим сил. Если с рассветом здесь хоть немного посветлеет, поищем наши ледорубы. А еще бы нам хоть немного везения...

Сьюзи и Шамир пробыли в темноте много часов, в конце концов привыкли к ней и убедились, что у расселины есть продолжение – большая подземная пещера.

Со временем луч света распорол темноту примерно в тридцати метрах над их головами. Шамир принялся тормозить Сьюзи.

- Встаем! – распорядился он.

Их взорам открылось прекрасное и одновременно пугающее зрелище – ледяная арка над пропастью с мерцающими стенами.

- Карстовый провал... – прошептал Шамир, показывая туда пальцем. – Естественный колодец, связывающий карстовую воронку с подземной пропастью. Он узкий, может быть, мы сумеем по нему подняться, упираясь спиной и ногами...

И он показал ей, как себе представляет путь к спасению. При такой крутизне им было не выползти, но часа через два лед должен был подтаять на солнце, и тогда они смогли бы загнать в него скобы. Предстояло преодолеть метров пятьдесят – шестьдесят. Сказать точнее, какое расстояние отделяло их от поверхности, было невозможно, но если бы им удалось добраться до карниза, то дальше можно было бы опереться спиной и ногами, а там...

- Как твое плечо? - спросила Сьюзи.

- Болит, но терпимо. Что поделаться, другой возможности у нас нет, лезть в самую расселину невыносимо. Но сначала надо найти ледорубы.

- А может, обследовать пещеру? Вдруг у нее есть другой выход?

- Не в это время года. Даже если там течет подземная речка, сейчас она скована льдом. Нам остается одно - этот вертикальный карстовый провал. Но не сегодня! На его преодоление нам потребуется часов пять, а солнце уйдет отсюда на другой склон уже через два часа. В темноте карабкаться вверх невыносимо. Лучше соберемся с силами и займемся поисками нашего снаряжения. В этой пещере не так холодно, как я опасался, можно даже попробовать немного поспать в спальниках.

- Ты действительно считаешь, что мы сможем спастись?

- Ты уже достигла уровня, при котором сможешь лезть по этой трубе. Ты первая.

- Нет, сначала ты! - взмолилась Сьюзи.

- У меня слишком болят ребра, чтобы тебя тащить, а если я сорвусь, то увлеку тебя за собой.

Шамир вернулся к месту, где закончилось их падение. От боли у него перехватывало дыхание, но он старался этого не показывать. Пока он раскапывал руками в перчатках снег, надеясь отыскать ледорубы, она забрела в глубь пещеры.

Вдруг до него донесся ее зов, и он поспешил к ней.

- Лучше помоги мне искать снаряжение, Сьюзи.

- Забудь про ледорубы! Быстрее сюда!

В глубине пещеры мерцал гладкий, словно искусственный, ледяной настил, уходивший далеко в темноту.

– Я принесу фонарь.

– Нет, пойдём со мной. Вернёмся сюда потом, – сурово произнес Шамир.

Сьюзи нехотя прервала обследование пещеры и поплелась за Шамиром к месту раскопок.

Битый час они рылись в снегу. Шамир докопался до лямки своего потерянного при падении рюкзака и облегченно перевел дух. находка вернула ему надежду. Но ледорубов они не нашли.

– У нас два ручных фонарика, две горелки, небольшой запас еды и две 45-метровые веревки. Видишь эту ледяную стенку – сейчас её как раз освещает солнце? Оно растопит лёд, надо будет набрать воды. Нам грозит быстрое обезвоживание.

Только сейчас Сьюзи почувствовала сильнейшую жажду. Схватив котелок, она подставила его под тонкую струйку стекающей по льду воды.

Шамир не ошибся: свет быстро померк и сменился потемками, словно какая-то злая сила заткнула отверстие в небе у них над головами.

Сьюзи включила налобный фонарь, привела в порядок свои вещи, расстегнула спальный мешок и залезла внутрь.

Шамир свой налобный фонарь потерял, поэтому продолжил безуспешные поиски в снегу при помощи ручного фонаря. Скоро, выбившись из сил, запыхавшийся, с горящими огнем легкими, он решил передохнуть. Когда он растянулся рядом со Сьюзи, та разломала пополам свою плитку мюсли и отдала половинку ему.

Оказалось, что Шамир не в состоянии есть: от попыток глотать его выворачивало наизнанку.

– Сколько мы протянем? – спросила Сьюзи.

- Если будем экономить еду, если соберем достаточно воды, если карстовый провал не закроет лавиной – дней шесть.

- Я хотела спросить, когда мы умрем. Похоже, ты ответил.

- Помощь поспеет раньше.

- Им нас не найти, ты сам говорил. Эта дыра – гиблое место. До карниза, который ты мне показал, мне ни за что не добраться, а если бы я даже добралась, то подняться к нему по колодцу глубиной шестьдесят метров мне все равно не под силу.

Шамир вздохнул.

- Отец меня учил: когда не можешь представить ситуацию во всей полноте, действуй поэтапно. Каждый этап окажется осуществимым, и накопление небольших успехов приведет тебя к поставленной цели. Завтра утром мы дождемся солнца и подумаем, как добраться до карниза. Что касается колодца, то если придется ждать еще сутки – будем ждать. А теперь давай экономить батарейки. Погаси фонарь.

В обступившей их непроницаемой тьме Шамир и Сьюзи слушали, как бушует среди скал ветер. Сьюзи положила голову Шамиру на плечо и попросила у него прощения. Но он, измученный болью, уже забылся сном.

Глубокой ночью Сьюзи разбудили раскаты грома, и ее впервые посетила мысль, что она может испустить дух на дне этой горной расселины. Больше самой смерти ее пугало то, что умирание продлится долго. «Расселина – не место для живых» – так написал однажды какой-то альпинист.

- Это не гроза, – прошептал Шамир, – это лавина. Перестань думать о смерти и спи. Такие мысли надо гнать.

- Я о ней и не думаю...

- Ты так крепко ко мне прижалась, что я проснулся. У нас еще полно времени.
- Мне осточертело ждать, - призналась Сьюзи. Она вылезла из спального мешка и зажгла налобный фонарь.
- Что ты задумала? - спросил Шамир.
- Пойду разомнусь. Лежи отдыхай, я далеко не уйду.

У Шамира не было сил идти с ней. С каждым вдохом ему в легкие попадало все меньше воздуха, и он уже боялся того момента, когда начнет задыхаться, если его состояние будет и дальше ухудшаться. Он попросил Сьюзи быть осторожной и провалился в тяжелый сон.

Сьюзи забиралась все дальше в пещеру, внимательно следя, куда ступает. Дно расселины обманчиво, под ногами каждую секунду может разверзнуться бездна. Она прошла под ледяным сводом и оказалась в просторной галерее, которую заметила накануне, когда Шамир велел ей вернуться назад. Выражение ее лица резко изменилось, и она решительным шагом двинулась вперед.

- Я знаю, что ты здесь, совсем рядом... - шептала она на ходу. - Я ищу тебя уже много лет...

По пути она обследовала каждую впадину, каждую неровность в ледяных стенках. Внезапно луч фонарика у нее на лбу отразился от какого-то серебристого предмета. Расходовать столько энергии в такой короткий срок было неразумно, но возбуждение было слишком велико, чтобы об этом думать. Она включила ручной фонарь и вытянула руку.

- Ну же, давай! Я хочу забрать то, что мне принадлежит, только и всего. То, чего ты не должен был нас лишать.

Лед в том месте, от которого отражался луч, имел странный изгиб. Она отскребла тонкую пленку инея и увидела под прозрачным слоем льда металл.

В существовании этой пещеры Сьюзи не сомневалась уже много лет. Сколько часов посвятила она чтению рассказов альпинистов, взбиравшихся на скалы Турнет, сколько размышляла, вчитываясь в отчеты о катастрофе, рассматривая фотографии, анализируя сообщения о перемещениях ледников в последние полвека, стараясь ничего не упустить! Обучаясь скалолазанию, она была готова к любым неудобствам, любым мучениям, лишь бы достичь цели.

Она оглянулась, но Шамир спал слишком далеко от нее, и она не могла его разглядеть. Она двинулась дальше, с каждым шагом ступая все осторожнее, стараясь даже не дышать.

Галерея расширялась, стены, сложенные природой в недрах горы, навевали воспоминания о поселении пещерных людей.

Внезапно сердце Сьюзи забилося как бешеное.

Кабина пилотов «Боинга-707», заваленная железными обломками, лежала на боку и словно бы взирала на нежданную гостью с отчаянием, не стершимся за долгие десятилетия.

В десятке шагов лежал кусок фюзеляжа, опутанный кабелями, весь в скелетах кресел, торчащих из снега.

Все вокруг было усеяно обломками – по большей части кусками металла, искореженного при чудовищном столкновении с горой. Шасси вертикально торчало на возвышении. Кусок дверцы с еще различимой надписью врос в лед на высоте нескольких метров.

Здесь находилась вся передняя часть «Канченджанги»: она была замурована в недрах горы, словно в склепе.

Сьюзи медленно переступала с ноги на ногу, замороженная и напуганная своим открытием.

– Вот и ты! – пробормотала она. – Я так ждала этой минуты!

И молча застыла перед остовом самолета.

Услышав за спиной шаги, она обернулась и увидела у входа в пещеру луч фонаря Шамира. Немного поколебавшись, она крикнула:

- Я здесь!

Она бросилась ему навстречу. Шамир был сердит.

- Ты должен был лежать и беречь силы.

- Знаю, но у меня все затекло, и потом, я беспокоился за тебя. Ты нашла выход?

- Еще нет.

- Что же заставило тебя расходовать батарейки?

Сьюзи ничего не ответила. Шамир пребывал в мрачном настроении, и причиной тому была не боль, а осознание грозящей им опасности. Взглянув на него, она тоже мигом вспомнила, в каком положении они оказались.

- Иди отдыхать, я закончу разведку и вернусь.

Шамир отстранил ее и вошел в пещеру. При виде остатков самолета он вытаращил глаза.

- Впечатляет, да? - тихо молвила Сьюзи.

Он смотрел на надписи на хинди, на которые она направила луч фонаря, и не двигался с места.

- Наверное, это потерпевшая катастрофу «Малабар Принцесс»...

- Нет, «Малабар» - четырехмоторный турбовинтовой лайнер. Это «Канченджанга».

- Откуда ты знаешь?

- Долго рассказывать, - бросила Сьюзи.

- Ты знала, что он здесь?

- Была такая надежда.

- Ты так упорно стремилась взойти на Монблан, потому что хотела найти эти обломки?

- Да, только я хотела, чтобы мы спустились сюда на веревке.

- Ты что же, знала о существовании этой пещеры?

- Один альпинист обнаружил горловину твоего карстового провала на склоне скал Турнет три года назад. Дело было летом, он услышал журчание подземной реки за ледяной стеной, проделал проход, добрался до жерла колодца, но спуститься вниз поостерегся.

- Выходит, все это время ты меня обманывала? Когда ты впервые ко мне явилась, у тебя в голове уже сидела эта идея?

- Я все тебе расскажу, Шамир. Когда ты все узнаешь, то больше не будешь задавать мне вопросы.

С этими словами Сьюзи направилась к обломкам. Шамир взял ее за плечо.

- Это место священное, братская могила, мертвых нельзя тревожить. Уходим!

- Дай мне всего час, я обследую фюзеляж и кабину. И, кстати, почему бы там, дальше, не находиться более удобному выходу, чем твой колодец?

На этом они разошлись: Сьюзи поспешила к остову самолета, Шамир - назад, к выходу. Сьюзи заворожила представшая перед ней картина. Внутри кабины обожженная приборная доска была накрыта языком ледника - можно было

подумать, что лед сожрал железо. На темную массу в кресле летчика она смотреть не стала: лучше не давать волю воображению. Ее внимание привлек кусок фюзеляжа с расковырянными взрывной волной креслами.

Спасательная команда, прибывшая на место падения лайнера на следующий день после катастрофы, нашла обломки крыльев, хвостового оперения и всякую всячину, находившуюся внутри самолета в момент его столкновения со скалой. За прошедшие с тех пор десятилетия ледник Боссон раздавил двигатели самолета, заднее шасси, багаж пассажиров. В докладе спасателей, который Сьюзи выучила наизусть, говорилось, что кабина пилотов и салон первого класса найдены не были. Одни специалисты считали, что они полностью разрушились при столкновении с горой, другие склонялись к тому, что часть самолета провалилась в горную расселину – так корабль исчезает в океанской бездне. Открытие Сьюзи подтверждало правоту последних.

Она насчитала шесть похожих на мумии обледеневших скелетов в лохмотьях. Опустившись на колени рядом с ними, она оплакивала эти жизни, продлившиеся на несколько секунд дольше, чем жизни остальных пассажиров: они пролетели на несколько метров дальше. По заключению экспертов, пойми пилот хотя бы на минуту раньше, что ему грозит столкновение с горой, он сумел бы поднять нос самолета и пролететь над вершиной. Но этого не произошло, и утром 24 января 1966 г. 111 человек погибли. Останки шести из них теперь и нашла Сьюзи.

Она пробиралась по фюзеляжу, когда за спиной у нее вырос Шамир.

– Ты не должна этого делать, – проговорил он медленно. – Что ты ищешь?

– То, что принадлежит мне. Если бы здесь находился кто-то из твоих близких, разве ты бы не попытался вернуть себе то, что принадлежало ему?

– Кто-то из пассажиров был твоим близким родственником?

– Это долгая история. Обещаю, я все тебе расскажу, когда мы отсюда выйдем.

– Почему ты не рассказала мне об этом раньше?

– Потому что тогда ты отказался бы меня сопровождать, – ответила Сьюзи, приближаясь к одному из скелетов.

Вероятно, это была женщина. Она вытянула перед собой руки, попытавшись предотвратить неизбежное, и встретила смерть лицом к лицу. На безымянном пальце ее правой руки осталось обручальное кольцо, у ног, зажатых искореженной арматурой, виднелась расплавившаяся дамская сумочка.

– Кто ты? – проговорила Сьюзи шепотом, опускаясь на колени. – Тебя ждали дома муж и двое детей?

Шамир нехотя подошел и упал на колени рядом.

– Ничего не трогай, – сказал он ей. – Это все не твое.

Сьюзи перешла к другому скелету. К его кисти был прикован цепочкой железный чемоданчик. Сьюзи посветила фонариком на надпись на хинди, выгравированную на крышке.

– Что здесь написано? – спросила она.

– Разве тут разберешь? Все стерлось...

– Не можешь разобрать ни слова?

Шамир наклонился к чемоданчику:

– Хозяина этой вещи звали Адеш, фамилию не прочесть. Думаю, он был дипломатом. Вот здесь написано: «Дипломатическая служба – не открывать».

Никак не прокомментировав услышанное, Сьюзи осторожно приподняла кисть мертвеца и бестрепетно отделила ее от скелета, чтобы снять с нее защелку наручника и завладеть чемоданчиком.

– Ты с ума сошла! – крикнул ошарашенный Шамир.

– Документы внутри могут обладать исторической ценностью, – бесстрастно проговорила Сьюзи.

– Не могу на это смотреть! Я слишком слаб, чтобы с тобой спорить. Пойду лягу. А ты напрасно теряешь время. Карабкаться вверх и так будет тяжело, а тут еще этот чемоданчик...

Сьюзи окинула его надменным взглядом, сняла с пояса железный крюк и с размаху ударила им по льду, которым оброс чемоданчик. Все замки, защелки и петли разом развалились.

Содержимое чемоданчика меньше пострадало от огня, чем от влажности. Сьюзи достала почти полностью расплавившуюся перьевую ручку, остатки пачки сигарет «Уиллс», серебряную зажигалку и задубевший от мороза кожаный мешочек. Эту последнюю находку Сьюзи спрятала себе под комбинезон.

– Ты нашел проход? – спросила она Шамира, выпрямляясь.

– Ты навлечешь на нас беду.

– Пошли! – позвала она. – Побережем батарейки. Пора отдыхать. Когда в расселине станет светло, мы попробуем отсюда выбраться.

Не дожидаясь ответа Шамира, она решительно покинула галерею и вернулась к месту ночевки.

Когда в пещеру заглянули лучи солнца, она убедилась, что Шамиру стало совсем худо. За последние часы его состояние усугубилось, ее испугала его бледность. Когда он молчал и не двигался, у нее возникало ощущение, что рядом с ней лежит мертвец. Она растерла его, не жалея сил, заставила выпить воды и съесть плитку мюсли.

– Ты сможешь подниматься? – спросила она.

– Разве есть другой выход? – простонал он и скорчился от боли, вызванной потребовавшимся для ответа усилием.

По его сигналу Сьюзи стала сортировать вещи.

- Может, бросить рюкзаки для облегчения? – предложила она.

- Когда мы заберемся туда, – заговорил Шамир, глядя на жерло колодца, – впереди у нас будет еще половина пути. Придется спуститься в долину. Не хочу околеть от холода, выбравшись отсюда. Держи! – И он подал ей два ледоруба, достав их из-под спального мешка.

- Нашел?! – воскликнула она.

- Ты только сейчас о них вспомнила? Я тебя не узнаю. После того как мы сюда свалились, я потерял свою партнершу по связке. Не хотелось бы так и остаться без нее.

Встав, Шамир немного порозовел и задышал легче. Он объяснил Сьюзи порядок действий: она ползет первой, закрепится, он последует за ней на страховке.

Высившиеся над ними ледовые наросты смахивали на огромный церковный орган. Тщательно закрепив на спине рюкзак, Сьюзи сделала глубокий вдох и начала подъем. Шамир, не сводя с нее глаз, подсказывал, где поставить ногу, за что схватиться руками, где натянуть веревку, а где, наоборот, ослабить.

На преодоление первых пятнадцати метров у нее ушло около часа. На высоте двадцати метров она нашла небольшой выступ, на который можно было сесть. Упершись ногами в стенку, она сняла с пояса костыль и забила его в лед. Потом проверила, крепко ли он держится, прикрепила блок и продела сквозь него веревку, претворяя в жизнь преподанную Шамиром науку.

- Годится, можешь лезть! – крикнула она, глядя вниз, но не видя ничего, кроме собственных коленей, ботинок и шипов на подметках.

Первые метры Шамир преодолел по оставленным Сьюзи следам. Боль усиливалась с каждой минутой, его то и дело посещала мысль, что у него ничего не получится. «Действуй постепенно!» – подсказал он себе.

Присмотрев выемку в трех метрах у себя над головой, он прикинул, что будет добираться до нее четверть часа, и дал себе слово, что, если спасется из этого ада, признается отцу, что его советы спасли ему жизнь.

Не обращая внимания на внутренний голос, нывший, что все напрасно и что куда благоразумнее было бы прекратить свои мучения, уснув на дне, он подтягивался на руках и преодолевал сантиметр за сантиметром, тратя на это бесценные секунды.

На то, чтобы достичь карниза, у них ушло три часа. При любой возможности Сьюзи наблюдала за усилиями Шамира и восхищалась продуманной экономностью его движений – именно этим он покорил ее тогда, на пике Грейс.

Выход на этот узкий уступ стал первой победой, пусть оба и отдавали себе отчет, что самое трудное впереди. Они сели, чтобы отдохнуть и набраться сил. Шамир зачерпнул в перчатку свежего снега и протянул Сьюзи:

– Угощайся!

Когда Шамир утолял жажду, Сьюзи заметила, что снег на его губах делается розоватым.

– У тебя кровь... – прошептала она.

– Знаю, мне все труднее дышится. Но сейчас не до жалоб.

– Скоро стемнеет.

– Потому я и умолял тебя не расходовать зря батарейки в пещере. Целую ночь я здесь не выдержу, не хватит сил, – сказал он, задыхаясь. – Либо продолжаем лезть прямо сейчас, либо ты отправляешься дальше одна, без меня.

– Значит, сейчас, – решила Сьюзи.

Шамир преподавал ей последний урок альпинизма. Сьюзи ловила каждое его слово.

– Будешь включать налобный фонарик время от времени, цель – максимальная экономия. В темноте полагайся на руки, они надежнее глаз, так ты вернее найдешь опору. Когда соберешься подниматься, не забывай убедиться, что нога стоит твердо. Когда ты отчетливо ощутишь, что дело плохо, тогда – и только тогда! – включай фонарик и старайся запомнить все, что видишь, прежде чем его выключить.

Сьюзи мысленно повторила инструкции Шамира и взялась за ледоруб.

– Не будем медлить, пока еще светло! – взмолился Шамир.

Сначала Сьюзи выпрямилась на карнизе, потом присела на корточки. Медленно вытянувшись, она воткнула ледоруб в вертикальную стену. Первый толчок, еще пять метров подъема остались позади; короткая пауза – и опять...

Расселина была широка, горловина приближалась, но пока что была еще далеко. Расстояние между Сьюзи и Шамиром достигло 20 метров. Она забила новый крюк, как следует закрепила веревку и, убедившись в прочности крепления, откинулась назад с намерением подать спутнику руку и помочь ему при подъеме.

Шамир внимательно следил за ее маневром. Он выпрямился на карнизе, впился шипами на подметках в следы Сьюзи, подпрыгнул, подтянулся...

Сил он не жалел, Сьюзи не уставала его подбадривать. Когда он останавливался, чтобы отдышаться, Сьюзи перечисляла, чем они займутся вместе, когда вернутся в Балтимор. Но он ее не слушал, сосредоточившись на предстоящих действиях. Ни единое его усилие не пропадало даром, и вскоре ему на затылок легла ладонь Сьюзи. Подняв глаза, он убедился, что она висит над ним вниз головой и не отрывает от него взгляда.

– Чем дурачиться, лучше бы как следует закрепились! – пробурчал он.

– Уже скоро! Смотри, мы уже преодолели две трети пути, а еще даже не стемнело.

– Как же хорошо там, куда мы стремимся!

– Завтра утром мы растянемся на снегу и будем любоваться солнышком, слышишь?

– Да, слышу, – отозвался он. – А теперь поднимись выше и уступи место мне. Я немного отдохну, а ты лезь дальше.

– Слушай внимательно, – заговорила она. – Остались последние двадцать метров. Я только что видела небо. Веревки у нас достаточно. Я преодолею это расстояние за один раз, вылезу и вытяну тебя.

– Ты долго висела вниз головой, вот и несешь чушь. Я слишком тяжелый.

– Послушайся меня в порядке исключения, Шамир, ты больше не сможешь карабкаться вверх и знаешь это не хуже меня. Клянусь, мы выберемся из этой чертовой дыры!

Шамир знал, что Сьюзи права. При каждом вдохе он слышал в своих легких свист, при выдохе его рот наполнялся кровью.

– Ладно, лезь, а там видно будет, – согласился он. – Вдвоем у нас получится.

– Конечно, получится!

Она раскачалась, чтобы принять нормальное положение, и тут до нее донеслось ругательство Шамира. «Когда втыкаешь ледоруб, слушай звук и смотри, куда бьешь», – учил он ее при подъеме на пик Грейс. Но то было летом, на скальной поверхности... Ледоруб Шамира издал странный звук, донесшийся и до слуха Сьюзи. Он хотел переместиться и найти более надежное место прикрепления, но руки уже не слушались. Вдруг раздался хруст. Трубы ледяного органа, расколотые в нескольких местах шипами Сьюзи, зашатались.

– Страхуй меня! – заорал он, стараясь подтянуться.

Лед лопнул с оглушительным треском. Сьюзи попыталась одной рукой поймать руку Шамира, а другой натянуть веревку, заскользившую по ее поясу безопасности. Кожаный мешочек у нее под комбинезоном сполз вниз, она на мгновение отвлеклась – и этого хватило, чтобы выпустить руку Шамира, которую

она было ухватила...

От сильного рывка у нее перехватило дыхание, но она удержалась.

Шамир повис в пяти-шести метрах под ней. Будь у него силы, он, вращаясь, дотянулся бы до стенки и нашел опору. Но сил не было.

- Повернись! - крикнула Сьюзи. - Повернись и зацепись!

Напрягшись всем телом, она превратилась в балансир, помогая партнеру в этом маневре.

Шамир решил, что его единственное спасение - узел Прусика. Сьюзи угадала его намерение, видя, как он хватается один из шнурков на своем поясе безопасности. Узел Прусика - самозатягивающийся, без натяжения он скользит свободно. Его крепят к карабину, затягивают и осуществляют подъем.

У Шамира уже плыло перед глазами, движения сделались неуклюжими. При попытке накинуть шнурок на основную веревку он выскользнул из пальцев и полетел вниз. Шамир поднял голову и, посмотрев на Сьюзи, пожал плечами.

Глядя на нее, висящую над ним и над бездной, он стал стягивать с плеча лямку рюкзака, потом точными движениями достал перочинный нож, который всегда хранил в наружном кармане.

- Не надо, Шамир! - взмолилась она.

Со слезами на глазах она следила, как он режет вторую лямку рюкзака.

- Успокойся, мы слишком тяжелы для подъема, - выдавил он.

- Вот увидишь, мы сумеем! Дай мне только время, я обопрюсь и вытяну тебя! - надрывалась она.

Лямка лопнула, и оба услышали звук падения рюкзака на дно расселины. Наступила тишина, нарушаемая только их дыханием.

– Ты действительно собиралась сделать мне предложение наверху? – спросил Шамир, подняв голову.

– Я собиралась убедить тебя сделать предложение мне, – ответила Сьюзи. – И ты никуда от этого не денешься.

– Лучше не тянуть. Давай прямо сейчас, – сказал он с грустной улыбкой.

– Наверху, когда выберемся, не раньше.

– Сьюзи, ты действительно хочешь, чтобы я стал твоим мужем?

– Замолчи, Шамир, прошу тебя, замолчи!

Не отрывая от нее взгляда, он продолжил:

– Я люблю тебя. Я влюбился в тебя в тот день, когда ты постучалась в мою дверь, и с тех пор любовь только крепла. Я бы с радостью обнял невесту, но до тебя далековато.

Шамир поцеловал ладонь своей перчатки и послал ей воздушный поцелуй. А потом коротким точным движением перерезал соединявшую их веревку.

3

Сьюзи проводила падающего Шамира истошным криком, поэтому не слышала глухого удара при его падении на лед. После этого она долго висела неподвижно в тишине и в темноте, готовая умереть от холода.

А потом ей пришло в голову, что он отдал свою жизнь ради того, чтобы ее спасти, и никогда ей не простит, если его жертва окажется напрасной.

Она решила включить налобный фонарик, задрала голову, уперлась ногами в стену, всадив в лед шипы.

Снег осыпался вниз с равнодушным шуршанием, и она представляла себе, как он падает на тело Шамира.

Карабкаться в темноте, ничего не видя от слез, не давать себе отдыха, стискивать до боли зубы. Слушать его подсказки, слышать тембр его голоса, биение его сердца, ощущать прикосновение его кожи во влажной постели. Чувствовать его язык у себя во рту, на груди, на животе, в пылающем жерле любви между ног. Чувствовать, как он притягивает ее к себе сильными руками, чувствовать его прикосновение – и продолжать подъем к небу. Час за часом, не давая себе передышки, не оставляя времени на отчаяние, – лишь бы вырваться из этого белого ада!

В 3 часа ночи пальцы Сьюзи уцепились за края пропасти, проглотившей их накануне. Последние силы ушли на то, чтобы подтянуться и вылезти из дыры. Упав на спину, она наконец увидела над собой звездное небо и, раскинув ноги и руки, издала нечеловеческий вопль, прокатившийся эхом по ледяному цирку.

Громоздившиеся вокруг нее горы отливали сталью. Она видела отороченные снегом вершины, далекие перемычки перевалов. Ветер завывал в пропастях, извлекая безумные звуки из труб ледяных органов, громоздившихся на склонах. Где-то вдали, судя по свистящему звуку, сходил оползень, сопровождавшийся камнепадом, и камни, ударяясь о гранит, высекали снопы искр. Сьюзи казалось, что она попала в другой мир, выбралась из небытия на безгрешную землю. Увы, в этом мире уже не было Шамира.

Он предостерегал ее: «Выбраться наверх – только первая часть задачи. Дальше будет спуск».

Времени было в обрез. Комбинезону досталось не меньше, чем ей самой. Мороз уже щипал ее за бока и за икры. Хуже всего было то, что она перестала чувствовать пальцы. Она встала, надела рюкзак и внимательно изучила предстоящий маршрут. Прежде чем уйти, Сьюзи опустила на колени на краю расселины, устремила взгляд на вершину Монблана, прокляла гору-убийцу

и поклялась, что вернется, чтобы отнять у нее Шамира.

Когда она спускалась, тело было как чужое. Она продиралась сквозь ночь, как сомнамбула. Гора отказывалась признать свое поражение.

Ветер бушевал все сильнее. Сьюзи вслепую брела в белой мгле. Каждый ее шаг сопровождался злобным рокотом ледника.

К ночи она совсем обессилела и прикорнула между двумя валунами. Правую руку она бережно пристроила в кармане, тем не менее рука болела так, что на глазах у Сьюзи выступали слезы. Она сняла шарф и сделала из него варежку. Отмороженные пальцы успели почернеть, и ей оставалось только проклинать себя за неосторожность. Достав из рюкзака горелку, она поставила ее на камень, чтобы истратить последний газ на растапливание льда для утоления жажды. При свете колеблющегося язычка пламени она нащупала кожаный мешочек, стоивший Шамиру жизни, и решила изучить его содержимое.

Там лежало письмо в полиэтиленовом конверте, которое она не стала доставать, чтобы не повредить, размытая фотография женщины и красный ключик. Аккуратно затянув тесемку, она опять спрятала мешочек под комбинезон.

При первых проблесках зари Сьюзи двинулась дальше. Теперь в небе не было ни облачка. Она то и дело спотыкалась и падала, но упрямо вставала и шла, шла...

Спасатели нашли ее лежащей в трещине морены, в полубессознательном состоянии. Щеки у нее были обморожены, на пальцах голыи руки чернела запекшаяся кровь. Но больше всего поразил первого наткнувшегося на альпинистку горного проводника ее взгляд: в нем запечатлелась пережитая трагедия.

Торжественную процессию возглавлял катафалк, за ним медленно ехали три лимузина с затемненными стеклами. Саймон, сидевший справа от водителя,

смотрел прямо перед собой, на дорогу.

Кортеж медленно вплыл в ворота кладбища, доехал по извилистым дорожкам до подножия холма и остановился.

Служащие похоронного бюро сняли гроб с катафалка и поставили на козлы перед свежерытой могилой. На крышку легли два венка. На одном была лента с надписью «Моему лучшему другу», на другом, от профсоюза журналистов, – «Нашему дорогому коллеге, пожертвовавшему жизнью во имя профессионального долга».

Неподалеку пристроился с камерой корреспондент местной телесети: он ждал начала погребения, чтобы снять несколько эффектных кадров.

Саймон взял слово первым: сказал, что они с покойным были, как родные братья, что под личиной напористого, порой несносного газетчика скрывался великодушный и даже немного чудаковатый малый. Эндрю не заслужил такой безвременной смерти. Он столько всего не успел! Какая невосполнимая утрата!

Саймон осекся, чтобы унять подкатившее к горлу рыдание, утер глаза и закруглился: сказал, что лучшие всегда уходят первыми.

Второй выступила Оливия Стерн, главный редактор «Нью-Йорк таймс»: с нескрываемым горем она поведала о трагических обстоятельствах гибели Эндрю Стилмена.

Выдающийся журналист-репортер, он отправился в Аргентину, чтобы выследить военного преступника. Вернувшись в Нью-Йорк после завершения своей опасной миссии, Эндрю Стилмен пал жертвой убийцы, занимаясь бегом на берегу Гудзона, – доказательство того, что смерть догонит даже самого резвого бегуна. Гнусное деяние с целью задушить правду! Дочь чудовища, изобличенного Эндрю, отомстила за отца. Подняв руку на Стилмена, она покусилась на самую свободу прессы, и ее поступок вписывается в череду злодеяний, совершенных ее папашей. Но, прежде чем погрузиться в глубокую кому, из которой ему уже не суждено было выйти, Эндрю Стилмен успел назвать санитарам имя убийцы. Великая Америка не оставит безнаказанным убийство одного из лучших ее сыновей. Аргентинским властям уже передано требование об экстрадиции. «Да свершится правосудие!» – провозгласила Оливия Стерн.

Умолкнув, она положила ладони на гроб, воздела глаза к небу – и продолжила торжественным тоном:

– Эндрю Стилмен был человеком твердых убеждений, он посвятил всю жизнь своему ремеслу, нашей профессии – последнему бастиону демократии. Эндрю Стилмен, ты пал на этом бастионе как солдат на поле брани, и мы никогда тебя не забудем. Уже завтра залу «Б» в архиве газеты – тому, что на первом подземном этаже, направо от лифтов (взгляд в сторону заведующего отделом кадров), – будет присвоено его имя. Впредь это будет не просто зал «Б», а «Зал Эндрю Стилмена». Мы тебя никогда не забудем! – отчеканила она.

Несколько коллег Эндрю, пришедшие отдать ему последний долг, зааплодировали. Оливия Стерн запечатлела поцелуй на крышке гроба, оставив на лакированной дубовой доске две полосы красной помады из последней косметической коллекции «Шанель».

Сотрудники похоронного бюро, дождавшись сигнала Саймона, вчетвером приподняли гроб и водрузили его на раму над могилой. Заработала лебедка, и останки Эндрю Стилмена медленно скрылись в глубине могилы.

Люди, посвятившие утро прощанию с Эндрю, по очереди подходили к месту его последнего упокоения. Среди них были Долорес Салазар, архивистка газеты, души не чаявшая в Эндрю: они часто встречались по утрам в субботу в отделении Ассоциации анонимных алкоголиков на Перри-стрит; почтальон Мануэль Фигера, которого Эндрю иногда угощал кофе в кафетерии; заведующий отделом кадров Том Кимилио, два года назад грозивший Эндрю увольнением, если тот не решит раз и навсегда свою проблему с бутылкой; сотрудник юридического отдела Гэри Палмер, часто закрывавший глаза на злоупотребления, которые допускал Эндрю, выполняя свой профессиональный долг; профсоюзный деятель Боб Стоул, не имевший чести водить знакомство с Эндрю, а просто дежуривший в это утро в редакции; наконец, Фредди Олсон, сосед Эндрю по редакционному отсеку, то ли из последних сил сдерживавший слезы, то ли готовый разразиться сатанинским хохотом – можно было подумать, что он явился на похороны под кайфом.

Олсон последним бросил на гроб белую розу, наклонился, чтобы взглянуть, куда она упала, и сам чуть не последовал за ней – к счастью, профсоюзный деятель успел поймать его за рукав.

После этого скорбящие покинули могилу и зашагали к машинам. Последовали орошаемые слезами объятия. Оливия и Долорес всплакнули друг у дружки на груди. Саймон поблагодарил всех пришедших на похороны – и все вернулись к своим занятиям.

У Долорес был назначен на 11 часов маникюр, у Оливии – поздний завтрак с подругой, Мануэль Фигера обещал жене поехать за новой сушилкой для белья, Том Кимилио торопился на свадьбу к племяннику, где исполнял роль шафера, Гэри Палмера ждал приятель на блошином рынке на 25-й улице, Боб Стоул возвращался в редакцию на дежурство, а у Фредди Олсона был назначен на обеденное время сеанс восточного массажа в салоне в Чайнатауне, массажистки которого, видимо, давно не бывали на исповеди.

Все возвращались к повседневной жизни, один Эндрю Стилмен остался лежать мертвый в своей могиле.

Первые часы после похорон показались ему томительно долгими, особенно угнетало одиночество – неожиданность для такого человека, как он, всегда мечтавшего, чтобы его оставили в покое. Тревога на сей раз не вызвала ни жажды, ни потливости, ни дрожи, ни даже небольшого учащения пульса – и не без причины!

Потом наступила ночь, а вместе с ней случилось нечто очень странное, отвлекшее его от всех остальных мыслей.

Он как будто уже свыкся с крайней теснотой своего «подземного вместилища без окон и без дверей», даже безмолвие на глубине шести футов не слишком его угнетало. И это его, любителя уличной какофонии, стука отбойных молотков, рева мотоциклов (чем громче, тем круче), завывания сирен, рева грузовиков, заунывно гудящих на заднем ходу, так что хочется убить их водителей, обалдевших гуляк, перепутавших день и ночь и вызывающих желание выследить их и устроить кошачий концерт у них под окнами! Ему предстояло понять, как следует относиться к его нынешнему положению: он парил в нескольких сантиметрах над холмиком, выросшим над гробом с его собственными останками? Это казалось невероятным, но Эндрю, усевшись по-турецки без всякой опоры под собой, действительно видел все, что происходило вокруг него – впрочем, не так уж много.

Не зная, чем заняться, он начал мысленно перечислять все, что представало его взору.

Растрепанный ветром газон с клонящимися к северу травинками. Тисы, клены и дубы, тянущиеся ветвями в ту же сторону. Казалось, вся природа поворачивается к шоссе, проложенному у подножия кладбищенского холма.

Внезапно Эндрю, уставший гадать, сколько еще ему так скучать, услышал голос:

– Ничего, привыкнете! Сначала это тяжело и утомительно, но постепенно теряешь ощущение времени. Знаю, что вы сейчас про себя твердите: знал бы заранее, что умру, – купил бы участок с видом на море. Между прочим, это было бы непростительной ошибкой! Вы не представляете, какое это занудство – шум непрестанно накатывающихся на берег волн! То ли дело шоссе: тут то и дело случаются занятные вещи. То пробки, то гонки, то аварии – невероятное разнообразие!

Эндрю повернул голову на голос. Над соседней могилой, тоже скрестив ноги по-турецки, парил мужчина, дружелюбно улыбаясь Эндрю.

– Арнольд Кнопф, – представился он, не меняя позы. – Это мое имя. Уже пятьдесят лет, как я здесь. Увидите, вы освоитесь, главное – терпение.

– Вот, значит, какая она, смерть? – проворчал Эндрю. – Висеть книзу задом над собственной могилой и до одури глазеть на шоссе?

– Глазейте на что хотите, вы совершенно свободны. Просто я обнаружил, что это самое лучшее развлечение. Еще бывают посетители, особенно по выходным. Живые приходят плакать на наши могилы, только не на мою. Что до наших соседей, то они лежат здесь так давно, что тех, кто к ним приходил, самих уже похоронили. Большинству теперь даже лень вылезать. Мы, так сказать, – местная молодежь. Надеюсь, вас будут навещать – сначала так всегда бывает; потом горе сходит на нет, и все меняется.

На протяжении своей долгой агонии Эндрю часто пытался представить себе смерть и даже надеялся обрести с ее помощью избавление от демонов, не дававших ему покоя при жизни. Но действительность оказалась хуже всего того,

что был способен представить его изощренный ум.

- Я, знаете ли, чего только не повидал, - продолжал сосед. - Два века, три войны. А прикончил меня какой-то ерундовый бронхит - каково? А еще говорят, что нелепость не убивает... А с вами что?

Эндрю не удостоил его ответом.

- Ничего, мне не к спеху. К тому же я такого наслушался! - не унимался сосед. - Вас хоронила непростая публика. Стать жертвой убийства - это звучит!

- А по-моему, ничего оригинального, - пробурчал Эндрю.

- Да еще когда убийца - женщина!

- Так ли важно, кто тебя убил, женщина или мужчина?

- Очень даже важно. А вообще-то вам виднее... Детишки есть? Что-то я не заметил ни вдовы, ни ребятишек.

- Ни детей, ни вдовы, - подтвердил Эндрю.

- Холостяк, значит?

- С недавних пор.

- Жаль. Хотя так для нее, наверное, лучше.

- И я того же мнения.

Вдали замелькала «мигалка» полицейской машины, «универсал», который она преследовала, затормозил на полосе для экстренной остановки.

- Видали? На этой трассе не соскучишься. Это автострада, связывающая Лонг-Айленд с аэропортом имени Джона Кеннеди. Вечно они здесь разгоняются, вот их и ловят. Если повезет, нарушитель набирает скорость, вместо того чтобы

остановиться, и тогда можно полюбоваться погоней – вон до того поворота. Жаль, дальше здоровенные платаны, ничего не разглядеть!

– Вы хотите сказать, что мы прикованы к своим могилам?

– Почему, со временем можно научиться не сидеть сиднем. Я, например, на прошлой неделе добрался до конца аллеи – шестьдесят шагов за раз! Пятьдесят лет тренировки даром не проходят. Хорошо, что усилия приносят плоды, иначе зачем было бы стараться?

Эндрю уже не скрывал своего отчаяния. Сосед подобрался ближе.

– Не волнуйся, уверяю тебя, ты привыкнешь. Сначала кажется, что это невыносимо, но ты потерпи, доверься мне!

– Вы не возражаете, если мы немного помолчим? Мне хочется тишины.

– Сколько хочешь, мальчик мой! – ответил Арнольд Кнопф. – Я понимаю и не тороплюсь.

И они остались сидеть по-турецки вдвоем, бок о бок, в непроглядной ночи.

Немного погодя на дороге, поднимавшейся от ворот кладбища на холм, замаячили автомобильные фары. Почему распахнулись ворота, всегда запертые в этот час, осталось загадкой для Арнольда, поделившегося своим удивлением с Эндрю.

Из остановившегося неподалеку о них коричневого «универсала» вышла и направилась в их сторону женщина.

Эндрю немедленно узнал свою бывшую жену Вэлери, любовь всей своей жизни, которую он потерял, совершив глупейшую ошибку. Его теперешнее положение было расплатой за мгновение заблуждения, мимолетной страсти.

Знала ли она, какие мучительные угрызения совести его терзали? Знала ли, что он отказался от борьбы за свою жизнь, когда она перестала навещать его

в больнице?

Она подошла к могиле и бесшумно опустилась на колени.

Видя ее склонившейся над ним, он впервые за все время с тех пор, как его пырнули в спину на берегу Гудзона, испытал облегчение.

Вэлери здесь, она вернулась – это было важнее всего остального.

Внезапно она украдкой задрала юбку и стала мочиться на могильный камень. Закончив это занятие, она привела в порядок свою одежду и громко произнесла:

– Чтоб тебе пусто было, Эндрю Стилмен!

Сказала – и была такова.

– Скажешь, это тоже неоригинально? – простонал Арнольд Кнопф, стараясь не показать, что давится от смеха.

– Она что, взяла и помочилась на мою могилу?!

– Не хотелось бы перефразировать известного поэта, но, по-моему, это именно то, что она учудила. Боюсь допустить неudelикатность, но все же любопытно, что ты ей сделал, чтобы ей захотелось вот так облегчиться здесь среди ночи?

Эндрю тяжело вздохнул.

– Вечером после нашей свадьбы я признался ей, что влюбился в другую.

– До чего же все-таки здорово, что мой сосед – ты! Ты сам этого не представляешь, Эндрю Стилмен. Чувствую, скуке теперь придется потесниться, а может, мы с ней и вовсе распрощаемся. Я тут немножко приврал: смерть – та еще скучища! Но что есть, то есть, альтернативы-то нету. Тупик, старина! Не могу утверждать, но, сдается мне, твоя леди еще тебя не простила. И то верно: так разоткровенничаться в вечер собственной свадьбы – это... Не хочется читать нотации, но, согласись, момент был выбран не совсем удачно.

– Что делать, нет у меня дара лгать, – проговорил Эндрю со вздохом.

– То есть как? Ты же был журналистом! Ладно, подробности потом, а сейчас мне надо делать упражнения на концентрацию. Я дал себе слово, что до конца века доберусь вон до той рощицы. Осточертели мне эти платаны!

Он был, теперь его нет! Колоссальная смысловая разница между настоящим и прошедшим временем ударила Эндрю с силой ядра, пробивающего крепостную стену. Жизнь окончена, он сделал свой выбор: теперь он – разлагающееся тело.

Эндрю почувствовал, как его затягивает могила, и, пытаясь воспротивиться силе, тащившей его под землю, истошно завопил...

Саймон подошел к дивану, дернул за угол подушки и стал тормозить спящего.

– Хватит стонать, это невыносимо! Вставай, уже десять часов, тебе давно пора на работу!

Эндрю набрал в легкие как можно больше воздуха, как ныряльщик, вынырывающий на поверхность после длительной задержки дыхания.

– Перестанешь напиваться – будешь нормально спать по ночам! – проворчал Саймон, поднимая с пола труп – пустую бутылку «Джек Дэниэлс». – Вставай и одевайся! Клянусь, я вытолкаю тебя в шею, надоело видеть тебя в таком состоянии.

– Ладно, ладно! – Эндрю сладко потянулся. – Ну и пружины у твоего дивана! Почему бы тебе не завести нормальную гостевую комнату?

– Почему бы тебе не вернуться домой? Три месяца, как тебя выписали из больницы, – а ты все торчишь у меня.

– Скоро съеду, обещаю. Не могу ночевать один. И потом, здесь, у тебя, я образцовый трезвенник.

– Пока я не усну... Кофе на кухне. За работу, Эндрю! Это лучшее, что ты можешь предпринять, и единственное, что у тебя хорошо получается.

– «Лучшие всегда уходят первыми...» – ты серьезно? Не нашел лучшего завершения для надгробной речи на моих похоронах?

– Напоминаю: все это происходит только в твоей помутившейся башке. Когда тебя мучат кошмары, ты хватаешься за ручку – и сочиняешь черт знает что!

Выскочив за порог, Саймон изо всех сил хлопнул дверью.

Эндрю вполз в ванную и уставился на свою физиономию в зеркале. А что, красавчик – учитывая то, что он натворил накануне... Но, сделав еще шаг вперед, он изменил мнение на свой счет. Набрякшие веки, черная борода, как у горца... Саймон прав, наверное, пора снова начать ходить на собрания Общества анонимных алкоголиков на Перри-стрит. А пока он изобразит собственное присутствие на редакционной летучке, после чего отправится в публичную библиотеку.

Вот уже три месяца он с удовольствием проводил там время. Сидя в большом читальном зале, он ощущал себя среди людей, невзирая на оглушительную библиотечную тишину. Где еще на свете он мог так же надежно спрятаться от одиночества, не приходя в раздражение от производимого другими шума?

После душа, одевшись попримечнее, он покинул квартиру и заглянул в «Старбакс», где позавтракал и пролистал газету. Потом, глянув на часы, направился напрямик в конференц-зал, где Оливия уже завершала инструктаж.

Журналисты дружно встали и потянулись к двери. Эндрю не двигался. Оливия жестом велела ему подождать. Когда зал опустел, она сама подошла к нему.

– Никто не заставляет вас так быстро возвращаться к работе, Эндрю. Но если вы сами этого хотите, то возвращайтесь по-настоящему. Посещение редакционного совещания обязательно.

– Вот я и посетил.

- Вы и здесь, и не здесь. Ни строчки за три месяца!
- Я обдумываю следующий проект.
- Знаю, вы живете припеваючи и снова прикладываетесь к бутылке.
- С чего вдруг эти обвинения?
- Посмотрите на себя – хотя бы вот в этот стакан.
- Я допоздна работал. Назревает новое журналистское расследование.
- Рада слышать. Нельзя ли узнать тему?
- Полтора года назад в негритянском гетто Йоханнесбурга изнасиловали и забили насмерть женщину. Полиция ничего не предприняла, чтобы задержать убийц.
- Происшествие в Южной Африке – вот то, что непременно вызовет пристальный интерес у наших читателей! Уведомите меня, когда закончите, – я обязательно выделю место для вашего репортажа на первой полосе.
- Иронизируете?
- Еще как!
- А зря. Ее убили за сексуальную ориентацию. Единственным ее преступлением была любовь к другой женщине. По той же самой причине сыщики, знающие, чьих это рук дело, не собираются арестовывать убийц, как будто те раздавили бродячую собаку, а не убили человека. Ее родня борется за торжество правосудия, но властям наплевать, наоборот, они потакают этим умственно отсталым живодерам. Ей было двадцать четыре года.
- Это, конечно, трагедия, но Южная Африка слишком далеко географически и еще дальше с точки зрения интересов наших читателей.

- На прошлой неделе один из наших блестящих конгрессменов-республиканцев заявил под телекамеры, рассуждая о гомосексуальном браке, что он видит в этом путь к инцесту и к педофилии. В странном мире мы живем! Всему должен быть предел. Наш славный мэр грозится уменьшить потребление сладкой газировки в кинотеатрах - а лучше бы укоротил языки избранникам народа! Надо бы принять законы, по которым их можно было бы штрафовать, когда они преступают допустимые границы невежества.

- Вас потянуло в политику, Стилмен?

Эндрю попросил главного редактора не отмахиваться от его слов. Болтовня конгрессмена была не просто оскорбительной, она подстрекала к ненависти. Эндрю хотелось показать в статье, что речи политиков, клеймящих те или иные общественные группы, могут приводить к вспышкам насилия.

- Теперь улавливаете? Статья начинается с рассказа об убийстве ни в чем не повинной женщины и о бездействии южноафриканских властей, не придающих значения этому убийству, а потом я перехожу к этому тупице-конгрессмену, к подсказке, содержащейся в его словах, и к предсказуемым эксцессам со стороны дуболомов, которые поймут его буквально. Если получится, я заставлю партию этого болвана откреститься от него и в конце концов четко выразить свою позицию.

- Немного притянута за уши и рискованно, но если к вам благодаря этому вернется желание взяться за более...

- ...за более важные темы? Женщина двадцати четырех лет, которую изнасиловали, избили, а потом зарезали за то, что она лесбиянка, - это недостаточно важно?

- Не приписывайте мне того, чего я не говорила, Стилмен.

Эндрю положил руку на плечо главной редакторше и слегка нажал, подчеркивая вескость своих слов.

- Обещайте мне кое-что, Оливия. Когда я умру, вы не станете произносить речей на моих похоронах.

Оливия озадаченно посмотрела на него:

- Обещаю, если вам так хочется. А в чем дело?

- «Ты пал на этом бастионе, как солдат на поле брани» - нет, только не это... Постыдились бы!

- Не пойму, о чем вы, Стилмен.

- Ни о чем, проехали. Просто обещайте, и все. Хотя нет, не все: еще этот архивный зал «Б». Мрачнее местечка не нашлось?

- Оставьте меня в покое, Эндрю, вы отнимаете у меня время. Все эти ваши измышления для меня - темный лес. Начинайте вкалывать, тогда я, так и быть, куплю вам билет до Кейптауна, чтобы не путались под ногами.

- До Йоханнесбурга! Скажите, кому из нас трудно сосредоточиться? С ума сойти!

Эндрю вбежал в лифт и поднялся к себе. Там царил кавардак - точь-в-точь как в тот день, когда на него напали. Фредди Олсон погрузился в журнальный кроссворд, грызя карандаш и раскачиваясь на стуле.

- «Привидение», семь букв. Не подскажешь?

- «Отпечаток семи фаланг моего кулака на твоей физиономии» - какие будут предложения?

- В Уэст-Виллидж полицейский сбил престарелого велосипедиста, - загундосил Олсон. - Недовольный тем, что сбитый загородил ему дорогу, он потребовал у него документы, а когда бедняга возмутился, заковал его в наручники и упек в каталажку. Перспективное дельце. Не хочешь заняться?

- В чем выразилось возмущение?

- Судя по показаниям, старик отвесил полицейскому пощечину за то, что тот обратился к нему неподобающим тоном.

- Сколько лет велосипедисту?

- Восемьдесят пять. А полицейскому тридцать.

- Этот город не перестает меня удивлять, - сказал Эндрю со вздохом. - Ладно, возись со своими муниципальными происшествиями дальше, а меня ждут настоящие журналистские дела.

- Пара стаканов бурбона или дайкири?

- Тебе не терпится поболтать о своих страстишках, Олсон? Изволь: не стыдно было за-явиться под кайфом на мои похороны?

- Не пойму, о чем это ты. Я уже давно с этим покончил. Дал священную клятву у твоей больничной койки, что, если ты сыграешь в ящик, я завяжу.

Проигнорировав наскоки коллеги, Эндрю собрал свою почту, прихватил утренний номер газеты и удалился. Денек выдался ясный, и он решил прогуляться несколько кварталов до Нью-Йоркской публичной библиотеки.

У входа в читальный зал он предъявил читательский билет. Дежурный вполголоса поприветствовал его.

- Здравствуйте, Ясин. - Эндрю протянул ему руку.

- Вы заказали что-нибудь на сегодня? - спросил библиотекарь, глядя на монитор своего компьютера.

- Я принес с собой все, что мне нужно, чтобы не сделать по случайности что-нибудь полезное. Почта, газета - вот и все, что для этого требуется.

Ясин повернулся к любимому столику Эндрю.

- Сегодня у вас соседка, - предупредил он все так же тихо.

- Мы же с вами договаривались!

– Мне очень жаль, мистер Стилмен, но сегодня у нас аншлаг, почти все места заняты, мы даже перестали впускать читателей – виданное ли дело! Я не мог бесконечно придерживать сразу два места.

– Она надолго?

– Понятия не имею.

– Хорошенькая?

– Скорее да...

– Кто такая?

– Вы знаете, что мы не вправе разглашать сведения о читателях.

– Даже мне, Ясин?

– Мистер Стилмен, за вами уже очередь, ступайте на ваше место!

Эндрю, печатая шаг и злорадно наслаждаясь эхом, двинулся к своему столу. Дойдя до него, он шумно отодвинул кресло, плюхнулся в него и зашуршал газетой.

Как он ни старался производить побольше шума, соседка не реагировала. Наконец ему надоело вредничать, и он попытался углубиться в чтение.

Но у него это никак не получалось, и он снова стал разглядывать молодую женщину напротив.

У нее была короткая стрижка под Джин Сибберг, личиком она тоже походила на нее. Она настолько увлеклась чтением, что водила пальцем по строчкам. Время от времени она что-то записывала в тетрадку и снова погружалась в чтение. Эндрю нечасто доводилось наблюдать такую сосредоточенность.

– Наверное, это что-то многотомное? – не выдержал он.

Молодая читательница растерянно подняла глаза.

– Не знаю, что вы читаете, но, похоже, это что-то крайне увлекательное, – продолжил он.

Она недоуменно приподняла бровь, надула губки и опять углубилась в чтение.

Эндрю начал было ею любоваться, но сказать больше ничего не успел: вскоре она захлопнула книгу и встала. Отдав книгу библиотекарю, она покинула читальный зал.

Эндрю тут же вскочил и поспешил к Ясину:

– Вам понадобилась книга, мистер Стилмен?

– Да, вот эта! – Он впился взглядом в томик, оставленный на столе библиотекаря его недавней визави. Ясин накрыл обложку ладонью:

– Сперва я должен зарегистрировать возврат книги, а потом оформить ее на вас. Пора бы знать наши правила! Возвращайтесь на свое место, книгу вам сейчас принесут.

Эндрю дал понять библиотекарю, что его служебное рвение сейчас совершенно неуместно, и пулей вылетел из зала. Он сам себе удивлялся: стремглав понесся за соседкой, пытаясь высмотреть ее в толпе на широкой лестнице. Поняв, что опоздал, он пожал плечами и решил успокоить себя неспешной прогулкой.

Назавтра Эндрю, верный привычке, явился в читальный зал в 10 утра. Кресло напротив него пустовало. Он несколько раз обвел зал глазами и только после этого разочарованно открыл свою газету.

В обеденный час он пошел в кафетерий. Там он обнаружил свою давешнюю соседку: она как раз приближалась к кассе, двигая поднос вдоль стеллажей-холодильников с едой. Эндрю схватил с полки сэндвич, косясь на нее, и встал в очередь.

Усевшись через три столика от нее, он стал наблюдать, как она утоляет голод. Она то кусала яблочную шарлотку, то что-то записывала в свою тетрадку, ни на что вокруг не обращая внимания.

Эндрю был от нее в восторге. Сосредоточенный взгляд его вчерашней соседки механически скользил от тетрадки с записями к тарелке с шарлоткой и обратно, хотя едой она явно наслаждалась. Одна деталь, замеченная еще накануне, снова бросилась ему в глаза: она водила по строчкам указательным пальцем левой руки, той же рукой делала записи, правую же упорно держала под столом. Трудно было не задаться вопросом, почему она ее прячет.

Наконец женщина подняла голову, окинула взглядом кафетерий, одарила Эндрю мимолетной улыбкой и, выбросив недоеденное в мусорный контейнер, отправилась обратно в читальный зал.

Эндрю выкинул туда же свой едва надкушенный сэндвич и зашагал за ней. Опустился в свое кресло, развернул газету.

– Надеюсь, это сегодняшняя, – услышался немного погодя шепот молоденькой соседки.

– Прошу прощения?

– Вы так бесцеремонны, вот и я позволю себе то же самое: надеюсь, газета сегодняшняя. Раз вы только делаете вид, будто читаете, то не будем тянуть: что вам от меня надо?

– Ровным счетом ничего! При чем тут вы? Я просто задумался, – пробормотал Эндрю, плохо скрывая смущение.

– Я изучаю историю Индии. Вас это интересует?

– Вы преподаватель истории?

– Нет. Вы что, из полиции?

– Нет, я журналист.

- По финансовой части?

- С чего вы это взяли?

- Ваши часы. Не видела, чтобы люди этого круга позволяли себе подобные игрушки.

- Это подарок моей жены - бывшей...

- Неужели она вас обманула?

- Нет, это я ее обманул.

- Можно мне вернуться к работе? - взмолилась она.

- Разумеется. Не хотел вам мешать.

Поблагодарив его, она снова погрузилась в чтение.

- Репортер, - счел нужным уточнить Эндрю.

- Не хочется быть невежливой, но мне важно сосредоточиться на моей работе, - ответила она.

- Почему Индия?

- Думаю рано или поздно туда отправиться.

- В отпуск?

- Кажется, вы не оставите меня в покое, - проговорила она со вздохом.

- Почему, оставлю. Даю слово молчать. С этого момента - больше ни слова. Крест поцеловал бы, если бы носил.

Эндрю сдержал слово и просидел молча весь день. Когда его соседка встала – до закрытия оставался еще час – он попрощался с ней безразличным кивком.

Уходя, Эндрю схватил со стола библиотекаря книгу, только что оставленную очередным читателем, и положил под обложку двадцатидолларовую бумажку.

– Мне нужна только ее фамилия.

– Бейкер, – прошептал Ясин, прижав книгу к груди.

Эндрю достал из кармана джинсов еще одну купюру с портретом Эндрю Джексона.

– Ее адрес?

– Мортон-стрит, шестьдесят пять, – ответил шепотом Ясин, пряча деньги.

Эндрю вышел из библиотеки и зашагал по Пятой авеню. На тротуаре было не протолкнуться. Поймать в такой час такси нереально. Он заметил молодую женщину из читального зала на углу 42-й улицы: она тщетно пыталась остановить какую-нибудь машину. У тротуара затормозил черный «Форд Краун Виктория», водитель наклонился, предлагая ей свои услуги. Эндрю приблизился на достаточное расстояние, чтобы расслышать цену. Она села на заднее сиденье, и длинный автомобиль влился в сплошной поток.

Эндрю добежал до Шестой авеню, спустился в подземку, сел в поезд линии «D» и через четверть часа сошел на остановке «4-я Западная улица». Оттуда было рукой подать до бара «Генриетта Хадсон», который он предпочитал другим за богатый выбор коктейлей. Заказав у стойки имбирный эль, он уселся на табурет у окна, чтобы наблюдать за перекрестком Мортон-стрит и Гудзон-стрит и ломать голову, что заставило его предположить, будто молодая женщина поедет из библиотеки прямо домой, а главное, чего ради он сам сюда притащился – в этом не угадывалось ни малейшего смысла... Как следует поразмыслив о том и о другом, он пришел к выводу, что сходит с ума от скуки. Он оплатил счет и отправился в автомастерскую к Саймону – тому как раз пришло время уходить

домой.

Через несколько минут после его ухода длинный черный «форд» высадил Сьюзи Бейкер перед ее домом.

Въезд в гараж был уже закрыт металлической шторой. Эндрю ускорил шаг. Вскоре он увидел у тротуара Саймона, засунувшего голову под капот «студебекера».

– Как ты к стати! – сказал ему Саймон. – Не заводится, хоть плачь! В одиночку мне его в гараж не затолкать. Меня приводит в ужас мысль, что придется бросить его здесь на всю ночь.

– Мне бы твои заботы, старик!

– Это мой кормилец – как же мне о нем не заботиться?

– Никак его не продашь?

– Как раз продал – и получил назад от коллекционера, взявшего взамен «одсмобил» 1950 года. Своя клиентура – великое дело в моем ремесле! Ну, взяли?

Эндрю уперся руками в багажник «студебекера», Саймон опустил стекло и схватился левой рукой за дверцу, а правой за руль.

– Сломался?

– Понятия не имею. Завтра покажу механику.

Они закатили машину в гараж и отправились ужинать в ресторанчик «Мэриз Фиш».

– Я решил вернуться на работу, – объявил Эндрю, садясь за столик.

- Давно пора!

- И перееду жить к себе.

- Никто тебя не заставляет.

- Никто, кроме тебя.

Эндрю продиктовал официантке свой заказ.

- О ней что-нибудь слышно?

- О ком? - спросил Саймон.

- Сам знаешь.

- Нет, у меня нет о ней никаких известий. Откуда?

- Ну не знаю... Просто надеялся.

- Страница перевернута, она не вернется. Ты причинил ей слишком сильную боль.

- Вечер во хмелю, дурацкое признание... Тебе не кажется, что я уже сполна за это расплатился?

- Меня можешь не спрашивать, рассказывай все это ей.

- Она куда-то переехала.

- Не знал. А ты откуда знаешь, если не имеешь от нее вестей?

- Брожу иногда под ее окнами.

- Случайность?

- Да, иногда случайно забредаю...

Эндрю хмуро смотрел через стекло на темные окна собственной квартиры.

- Ничего не могу с собой поделаться, это сильнее меня. Есть места, бережущие память. С ней я пережил самые счастливые мгновения своей жизни. Вот и шатаюсь у нее под окнами, посиживаю на лавочке, предаюсь воспоминаниям. Иногда вижу нас вдвоем – две тени, входящие в дом с покупками, сделанными в магазинчике на углу. Слышу ее смех, ее шуточки, смотрю на то место, куда она всегда ставила пакет, ища ключи. Бывает, даже встаю с лавочки, вроде как поднять ее пакет, – в сумасшедшей надежде, что дверь откроется и жизнь продолжится с того момента, когда прервалась... Идиотизм, конечно, но мне от этого так хорошо!

- И часто это с тобой бывает?

- Как тебе рыбка? – С этими словами Эндрю потянулся вилкой к тарелке Саймона.

- Сколько раз в неделю ты болтаешься под ее окнами, Эндрю?

- Моя лучше, ты сделал неверный выбор.

- Может, хватит оплакивать свою участь? Ну не сложилось у вас – печально, не спорю, но это еще не конец света. У тебя вся жизнь впереди.

- Слыхал я много пошлых сентенций, но «у тебя вся жизнь впереди» – апофеоз пошлости!

- Ты смеешь меня учить, после того что только что рассказал?

Саймон поинтересовался, как друг провел день, и Эндрю, желая оправдаться, поведал ему о своем знакомстве с посетительницей читального зала.

- Пока ты не принялся за ней шпионить и отсиживать себе зад на скамейке под ее окнами, я, пожалуй, сочту эту новость хорошей.

– Я уже оборудовал себе наблюдательный пункт в баре на углу ее улицы.

– Что ты сделал?!

– Ты слышал. Но это не то, что ты думаешь. В этой особе есть что-то интригующее, я еще не разобрался, что именно.

Эндрю заплатил по счету. На Чарльз-стрит было безлюдно. Старик выгуливал лабрадора, такого же хромого, как он сам.

– Не устаю поражаться сходству между собаками и их хозяевами! – воскликнул Саймон.

– Согласен. Купи себе кокер-спаниеля. Пошевеливайся, это будет моя последняя ночь на твоём поломанном диване! Завтра я сматываю удочки, как обещал. И еще одно обещание: больше я не стану прохлаждаться у Вэлери под окнами. Чего ради, раз ее след простыл! Знаешь, что меня убивает? Мысль, что она могла переехать к другому мужчине...

– Но ведь ты не желаешь ей ничего дурного?

– Что, если она откровенничает с другим, заботится о нем, спрашивает, как он провел день, близка с ним так, как раньше со мной... Нет, это невыносимо!

– Совершенно неуместная ревность! Она заслуживает лучшего.

– Как же мне надоели твои нравоучения!

– Пускай, кто-то все равно должен научить тебя уму-разуму. Ты только взгляни на себя!

– Может, кто-то и должен, но не ты, Саймон. Только не ты!

– Во-первых, с чего ты взял, что у нее кто-то есть? Во-вторых, даже если это так, почему ты считаешь, что она с ним счастлива? Можно прибиться к кому-то, спасаясь от одиночества, проводить время с другим, чтобы пережить разрыв, но постоянно вспоминать любимого человека. Можно, говоря с другим, слышать

твой голос, смотреть другому в глаза и видеть твои.

– А вот это, Саймон, именно то, что мне требовалось услышать! Откуда ты все это знаешь?

– Со мной тоже так бывало, болван ты этакий.

– Быть с одной женщиной и думать о другой?

– Нет, быть с женщиной, любящей другого, и прикидываться, что ничего не замечаешь. Когда влюблен, это как ножом по сердцу. Знаешь, но делаешь вид, будто не знаешь. В конце концов это становится невыносимо – или она выставляет тебя за дверь.

Вечер был холодный, Саймон поежился, Эндрю положил руку ему на плечо.

– Мы с тобой отлично ладим, – пробормотал Саймон. – Тебе нет никакой необходимости собирать манатки уже завтра, если ты еще не готов. На диване в гостиной иногда могу спать я, а ты будешь блаженствовать в спальне.

– Знаю, старина. Но хорошенького понемножку, я знаю, уже пора. Это не значит, что я отказываюсь понежиться этой ночью на твоей кровати. Слово не воробей!

И они молча зашагали к дому Саймона.

5

Мужчина терпеливо ждал, привалившись к машине и изучая путеводитель. Когда женщина с третьего этажа вышла выгуливать собаку, он бросил путеводитель и юркнул в дверь, пока та не закрылась.

Добравшись до верхнего этажа, он остановился, подождал, пока стихнет эхо его шагов, посмотрел вниз – не поднимается ли кто-нибудь еще. После этого нашел дверь 6-B, вынул из кармана связку отмычек и вскрыл замок.

В угловой квартире было шесть окон. Шторы задернуты, так что никакого риска, что его заметят жильцы из дома напротив. Мужчина взглянул на свои часы и приступил к работе. Он искромсал сиденье и подушки на диване, заглянул под ковер и под фотографии на стенах, выдвинул ящики письменного стола и, обойдя квартиру, продолжил поиски в спальне. Кровать повторила судьбу дивана, потом наступила очередь кресла у двери в ванную. Содержимое комода переместилось на выпотрошенный матрас.

Услышав шаги на лестничной площадке, мужчина бросился в гостиную, сжал в кармане рукоятку ножа, прижался спиной к стене, затаил дыхание. Из-за входной двери донесся голос.

Мужчина достал нож, стараясь сохранять спокойствие. Из-за двери вместо голоса теперь доносилось дыхание. Потом стихло и оно, раздались удаляющиеся шаги.

Постояв в тишине, мужчина решил, что выходить на лестницу слишком опасно. Человек, заподозривший, что в квартиру кто-то проник, мог вызвать полицию. Полицейский участок находился в нескольких кварталах, под окнами часто проезжали патрульные машины.

Он подождал еще немного, потом решился покинуть квартиру. Найдя в коридоре приоткрытое окно, он вылез на пожарную лестницу. Стоял бесснежный декабрь, на деревьях уже давно не осталось ни листочка, так что при попытке спуститься вниз его наверняка бы заметили, а заказчик особо настаивал на том, чтобы его никто не мог опознать. Поэтому, спустившись на один этаж, мужчина перелез через поручень на соседнюю лестницу, заглянул в окно пятого этажа и разбил локтем оконную секцию. Отодвинуть щеколду не составило труда, как и приподнять раму. Мужчина изогнулся и скользнул в проем. Через несколько секунд он уже спускался по ступенькам соседнего дома, не встретив по пути ни одной живой души.

На перекрестке он повернул за угол и исчез.

Собрав в кулак всю свою волю, Эндрю заставил себя не заговаривать с занявшей место напротив него девушкой. Вместо «доброе утра» он ограничился кивком, она, усаживаясь, ответила ему тем же. Целых два часа оба провели,

погрузившись в чтение.

Потом на столе завибрировал мобильный телефон Сьюзи Бейкер. Она прочла сообщение и коротко выругалась себе под нос.

- Проблема? - не выдержал Эндрю.

- Похоже, - отозвалась Сьюзи Бейкер, глядя ему прямо в глаза.

- Я могу чем-то вам помочь?

- Вряд ли, если только вы мне не наврали. Вы ведь не полицейский? - Она вскочила.

- Я не умею врать, то есть умею из рук вон плохо. А что случилось?

- Дверь моей квартиры открыта. Управляющий подозревает, что внутри кто-то есть, боится войти и спрашивает, дома ли я.

- А вы не дома... - вырвалось у Эндрю, и он тут же обругал себя за глупость.

Сьюзи утвердительно кивнула и торопливо зашагала к выходу, забыв на столе книгу. Подхватив ее со стола, Эндрю поспешил следом за беглянкой. Из книги выпала на пол тонкая тетрадка. Эндрю подобрал ее, положил книгу на стол перед Ясином, ускорил шаг и почти настиг Сьюзи Бейкер на тротуаре: она только что села в такси.

- Что теперь, хитрец? - пробормотал он себе в бороду.

Пятая авеню была загружена, машины двигались вплитирку, то же самое происходило, по всей видимости, и на Седьмой и на Девятой. Воспользовавшись метро, он мог ее опередить.

- Опять дуришь? - пробормотал он себе под нос и бросился к станции метро.

Выходя на 4-ю улицу, он все еще ломал голову, как объяснить соседке по столу в читальном зале, откуда у него ее домашний адрес. Решение никак не приходило.

К дому Сьюзи Бейкер он подошел как раз в тот момент, когда она выходила из такси. Не подумав, он тут же окликнул ее. Она обернулась.

- Что вы здесь делаете? - изумилась она.

- Вы забыли книгу, я сдал ее за вас и, выйдя, увидел, как вы садитесь в такси. Я испугался, что вы можете оказаться лицом к лицу с грабителем. Наверное, я зря боялся, ведь вы наверняка вызвали полицию. Но у дверей нет патрульной машины, значит, тревога оказалась ложной, и они уехали. Пожалуй, я тоже удалюсь. До свидания.

Эндрю развернулся и побрел прочь.

- Откуда у вас моей адрес?! - крикнула она ему вдогонку. Эндрю оглянулся.

- Пара пустяков: прыгнул в такси и пообещал таксисту двойную плату, если он поедет за вами. Сами видите, я прибыл одновременно с вами.

- Мы не ехали, а мчались. Уж не залезли ли вы к нам в багажник?

- Хотел, но не осмелился.

Сьюзи Бейкер придирчиво разглядывала навязчивого доброхота.

- Я не вызывала полицию, - сообщила она сухо.

- А ваш управляющий?

- Я послала ему ответ, что стою под душем и, наверное, плохо закрыла дверь.

- К чему этот обман?

– Я живу здесь недавно, по субаренде. Ее законность сомнительна. Настоящая съемщица – моя подруга, уехавшая на несколько месяцев в Европу. Если со мной возникнут проблемы, то той мелочи, которую я каждую неделю сую управляющему, окажется уже недостаточно, чтобы он держал язык за зубами. Позволить себе очутиться на улице я не могу: вы представляете, как трудно найти себе в Нью-Йорке хоть какой-то приличный угол?

– И не говорите!

Сьюзи Бейкер немного помялась и продолжила:

– Может быть, вы меня проводите? Если я скажу, что мне не страшно, это будет неправдой. Впрочем, вы вовсе не обязаны соглашаться, не хочу подвергать вас риску.

– Вряд ли это так уж рискованно. Если вашу дверь взломали, то грабитель, наверное, давно смылся. Раз уж я здесь, надо найти мне применение. Идите! – Он взял Сьюзи под руку. – Я вхожу первым.

Увидав разгром в гостиной, Эндрю велел Сьюзи подождать на лестнице и, оглядевшись, вынул маленький «вальтер», купленный после выписки из больницы.

Пять месяцев назад он обозвал бы идиотом любого, кто носит оружие. А потом его пырнули в спину, в «скорой» он истек кровью и, провалявшись два месяца в больнице, теперь считал своим законным правом ходить с оружием. Человек, покушавшийся на его жизнь, по-прежнему оставался на свободе.

Он вошел в квартиру, толкнул ногой дверь спальни и приступил к осмотру.

Сьюзи наверняка будет потрясена, когда увидит свой «угол» в таком плачевном состоянии, поэтому он счел необходимым быть рядом с ней, когда она войдет. Он обернулся – и вздрогнул: она стояла прямо у него за спиной.

– Я же вас попросил подождать снаружи!

– А я непослушная. Может, уберете свой пугач? – Она покосилась на пистолет.

– Конечно, простите. – Эндрю стало стыдно, что он вооружился, как будто вздумал поиграть в войну.

– Перевернуто все, что только можно! – проговорила Сьюзи со вздохом. – Ну и кавардак!

Она нагнулась и стала подбирать разбросанные вещи. Эндрю стало неудобно наблюдать ее со спины.

– Разрешите? – Он присел рядом с ней и поднял с пола пуловер.

– Спасибо. Бросьте на кровать, потом я все разложу по местам.

– Не хотите проверить, что у вас украли?

– Здесь красть нечего. Денег нет, драгоценностей тоже – я их не ношу. Не принесете из кухни что-нибудь попить? А я тем временем уберу с глаз долой кое-какие личные вещи. – Она указала на пол: Эндрю наступил на бюстгальтер.

– Конечно!

Он принес стакан воды, и Сьюзи осушила его залпом.

– Тот или те, кто побывал у вас в квартире, искали не деньги, тем более не драгоценности.

– Почему вы так считаете?

– Потому что в кухню грабитель даже не заглядывал. Где большинство прячет ценности? В какой-нибудь невзрачной бутылке, на дне коробки с хлопьями, в целлофановом пакете в глубине морозильника...

– Может, его спугнул управляющий?

– Грабитель в любом случае начал бы с кухни. И потом, откуда такая ненависть к вашему диванчику и матрасу? Прошли времена, когда золотые монеты

зашивали в матрасы, а свои кольца и серьги женщины держали совсем в других местах. Иначе как бы они их доставали, наряжаясь для вечернего бала?

- Уж не подрабатываете ли вы в свободное время кражами?

- Я журналист, а в этом ремесле без любопытства никуда. Я совершенно уверен, что не ошибся: то, что я вижу вокруг себя, никак не свидетельствует об ограблении. Тот, кто здесь орудовал, искал что-то определенное.

- Тогда он ошибся квартирой, а то и домом. На этой улице все дома на одно лицо.

- Придется вам купить подруге новую кровать и диван.

- На мое счастье, она еще не скоро вернется. Мои финансы в таком состоянии, что с мебелью придется повременить.

- Я знаю местечко в Чайнатауне, где можно за бесценок подобрать вполне приличные подержанные вещи. Если хотите, могу вас туда проводить.

- Очень любезно с вашей стороны, - отозвалась Сьюзи, продолжая уборку. - Что ж, теперь вы можете смело меня покинуть, у вас наверняка есть дела.

- Ничего срочного.

Сьюзи упорно поворачивалась к нему спиной. Ее спокойствие, даже безмятежность озадачивали Эндрю; за неимением других соображений, он предположил, что она старается скрыть свои чувства. Как только ни проявляется человеческая гордость! Хотя сам Эндрю, скорее всего, повел бы себя так же.

Он перешел в гостиную и стал подбирать и возвращать на прежние места фотографии, по следам на стене определяя, какая где висела.

- Чьи это фотографии, ваши или подруги?

- Мои! - крикнула Сьюзи из соседней комнаты.

– Вы альпинистка? – спросил он, всматриваясь в черно-белую фотографию. – Это вы висите на отвесной скале?

– Я! – гордо ответила Сьюзи.

– Какая вы смелая! А у меня даже на стремянке начинает кружиться голова.

– К высоте привыкаешь, это вопрос тренировки.

Эндрю потянулся за другой фотографией: Сьюзи и Шамир у подножия горы.

– Что это за мужчина рядом с вами?

– Горный проводник.

Да уж, конечно! На другой фотографии «горный проводник» нежно обнимал Сьюзи.

Пока она прибиралась в спальне, Эндрю старался навести порядок в гостиной. Потом отправился на кухню и нашел в одном из ящиков рулон клейкой ленты. Заклеив ею разрезы на диване, он стал удовлетворенно разглядывать свою работу.

Сьюзи опять выросла у него за спиной – ну и привычка!

– Не бог весть что, но так вы по крайней мере сможете сидеть, не рискуя провалиться.

– Можно, я угощу вас ужином в благодарность за труды?

– Как же ваши финансы?

– Ну, на салат хватит.

– Не выношу никакой зелени! Лучше я сам накормлю вас бифштексом. Вам надо восстановить силы.

– Я вегетарианка.

– Никто не совершенен. Я знаю неподалеку отсюда один итальянский ресторанчик. Паста – это же вегетарианская еда?

Официантка во «Фрэнки» поздоровалась с Эндрю и позволила ему самому выбрать столик.

– Вы постоянный клиент?

– Чем вы занимаетесь в жизни, мисс Бейкер?

– Исследованиями.

– Какими именно?

– Вам это покажется скучным. Лучше скажите, что вы за журналист?

– Репортер, любитель совать нос в чужие дела.

– Может, назовете свою недавнюю статью, которую я могла прочесть?

– За последние три месяца я не написал ни строчки.

– Почему?

– Это долгая история, вам она тоже покажется скучной. Тот человек на фотографии – не просто ваш проводник, верно?

Сьюзи испытующе посмотрела на Эндрю, пытаясь различить под густой бородой черты лица.

- Каким вы были до того, как запустили эту растительность?
- Совсем другим. Вам не нравится?
- Даже не знаю, не задавала себе этого вопроса.
- Чешется. Зато по утрам экономлю массу времени, – сказал Эндрю, скребя себе щеку.
- Шамир был моим мужем.
- Вы тоже разведены?
- Вдова.
- Простите, проклятая привычка лезть не в свое дело...
- Ничего, нормальный вопрос.
- Нет, бестактный. Как это случилось? Отчего он умер?

Меньше всего Эндрю ожидал, что Сьюзи засмеется.

- Не удивляйтесь. В смерти Шамира нет ничего смешного, я по-прежнему в трауре. Просто вы только что пытались не допустить бестактности, а сами... Вы такой неловкий! Но мне это, кажется, по душе. А в вашем браке что оказалось не так?
- Я сам! Мой брак – рекордсмен скоротечности. Заключен в полдень, рухнул в восемь вечера того же дня.
- Я все равно вас опережаю: мой продлился меньше минуты.

В глазах Эндрю читалось непонимание.

– Шамир погиб через минуту после того, как мы с ним обменялись клятвами верности.

– Он был тяжело болен?

– Мы висели над бездной. Он перерезал веревку, связывавшую его со мной, чтобы спасти мне жизнь. Если не возражаете, давайте сменим тему.

Эндрю уставился в свою тарелку. Но, помолчав совсем недолго, опять поднял голову:

– Не считите мое предложение неприличным. Ночевать у себя вам сегодня нельзя. Сначала надо поменять замок. Грабитель может вернуться. У меня квартирка, где я сам не живу, в двух шагах отсюда. Могу дать вам ключи. Я уже три месяца ночую у друга, так что еще несколько ночей ничего не изменят.

– Почему вы не живете у себя?

– Боюсь призраков.

– Хотите заманить меня в дом с привидениями?

– Призрак моей бывшей жизни обитает только в моей голове, вам его бояться нечего.

– Чем объяснить этот ваш благородный порыв?

– Я делаю это скорее для самого себя. Вы меня обяжете, если согласитесь. В конце концов, это ведь ненадолго, пока вы...

– Пока я не сменю замок и не куплю новый матрас. Что ж, я согласна. Мне это как-то не пришло в голову, но если подумать, то спать сегодня у себя мне и вправду страшновато. Я воспользуюсь вашим гостеприимством на две ночи, не больше, даю слово. Завтра я сделаю самое необходимое. Так что приглашаю вас вместе пообедать – на меньшее я не согласна.

– Ладно, – ответил Эндрю.

После ужина он проводил Сьюзи к своему дому и вручил ей ключи.

- Квартира на третьем этаже. Там должно быть чисто: уборщица навевывается регулярно, а так как я давно здесь не появляюсь, работы у нее совсем немного. Чтобы пошла горячая вода, надо немного подождать, но уж как пойдет, берегитесь, можно обвариться! В коридоре стенной шкаф, там вы найдете полотенца. Чувствуйте себя как дома!

- Сами не зайдете?

- Нет, как-то не тянет.

- А ваш номер телефона? Надо же будет вернуть вам ключи!

- Вернете в библиотеке. Я бываю там ежедневно.

Сьюзи тщательно обследовала квартиру Эндрю и нашла ее симпатичной. Она обратила внимание на фотографию Вэлери в рамке на каминной доске.

- Так это ты разбила ему сердце? Вот идиотка! Хорошо бы нам с тобой поменяться ролями. Может быть, я верну его тебе, но позже, пока что он нужен мне самой.

И Сьюзи, повернув фотографию лицом к стене, отправилась знакомиться со спальней.

Днем она заглянула к себе, чтобы забрать кое-какие вещи. Вошла, сняла пальто, включила свет - и вздрогнула: у ее письменного стола сидел мужчина.

- Я заказывала беспорядок, а не полный разгром! - сказала она, запирая дверь.

- В итоге он отдал тебе свои ключи. Задача состояла в том, чтобы привлечь его внимание, и она выполнена. По-моему, я заслуживаю благодарности.

- Теперь вы за мной следите?

- Из простого любопытства. К моим услугам редко прибегают с целью ограбить самого себя. Неудивительно, что у меня возникли вопросы.

Сьюзи пошла в кухню, достала из буфета пакет с хлопьями, нашарила внутри пачку денег и вернулась в гостиную.

- Шесть тысяч, остаток моего долга, можете пересчитать, - сказала она, протягивая ему деньги.

- Что тебе от него надо? - спросил Арнольд Кнопф.

- О такой откровенности мы с вами не договаривались.

- Наши договорные отношения исчерпаны. Я сделал то, о чем ты просила. За последние дни я провел в библиотеке больше времени, чем за всю прошлую жизнь, хотя и ценю общество хорошей книги. Если бы не уважение к твоему деду, я бы ни за что не покинул свое убежище.

- Дело не в уважении, а в чувстве долга. Сколько раз мой дед приходил вам на выручку?

- Вы очень многого не знаете, мисс Бейкер.

- Когда я была маленькой, вы называли меня Сьюзи.

- С тех пор ты выросла.

- Я вас умоляю, Арнольд, с каких это пор вы махнули рукой на свое ремесло? Не рассказывайте, что вы умудряетесь сохранять в своем возрасте такую форму, ухаживая за садиком!

Арнольд Кнопф закатил глаза.

- Почему ты выбрала его, а не кого-нибудь еще?

– Мне приглянулась его фотография в газете. Я привыкла доверять своим инстинктам.

– Нет, ты хитрее. Он рисковал жизнью, вот ты и решила, что он человек отчаянный и легкомысленный – таким тебе будет проще вертеть...

– Не совсем так. Меня привлекло то, что он рисковал жизнью ради успеха своего расследования. Ничто не могло сбить его со следа! Он обязательно примется за старое, это только вопрос времени. Поиск истины – его призвание, этим мы с ним очень похожи.

– О нем я ничего не знаю. Возможно, ты права. Но себя ты переоцениваешь, Сьюзи. Твоя маниакальная настойчивость и так уже дорого тебе обошлась. Ты сама могла погибнуть. Забыла, что случилось с человеком, которого ты вовлекла в свою затею?

– Уходите, Арнольд. Деньги я вам отдала. Мы теперь квиты.

– Я обещал твоему деду приглядывать за тобой. Квиты мы будем только тогда, когда меня не станет. До свидания, Сьюзи.

И Арнольд Кнопф удалился.

На следующее утро Эндрю прибыл на редакционное совещание минута в минуту и даже сделал кое-какие записи, что не ускользнуло от внимания главного редактора. После совещания она намеренно вошла в лифт вместе с ним.

– Вы опять взяли след, Стилмен?

– Прошу прощения?

– Сейчас, на совещании, я увидела человека, по которому успела соскучиться.

– Рад за вас. Кто он?

– На кого вы работаете? Только не морочьте мне голову Южной Африкой, в это я не верю ни секунды.

– Скажу, когда придет время, – ответил Эндрю.

Двери кабины открылись, Эндрю зашагал по залу к своему отсеку, подождал, когда Оливия Стерн скроется из виду, вернулся и по служебной лестнице спустился в подвал.

Первую половину дня он провел в архиве. Он нашел упоминания о Сьюзи Бейкер – нотариусе из Декстера, Сьюзи Бейкер – преподавателе психологии из Университета Джеймса Мэдисона в Виргинии, Сьюзи Бейкер – художнице, Сьюзи Бейкер – инструкторе йоги, Сьюзи Бейкер – администраторе из Университета Уорвика и еще о двух десятках Сьюзи Бейкер. Но, воспользовавшись всеми мыслимыми поисковыми ресурсами, он так и не набрел на сведения о той Сьюзи Бейкер, с которой познакомился в библиотеке. Это озадачивало его гораздо больше, чем все остальное, что он успел о ней выведать. В век социальных сетей совершенно невозможно, чтобы человек никак не наследил в Интернете!

Эндрю хотел было позвонить кому-нибудь из своих знакомых в полиции, но спохватился: это ничего бы не дало, раз его соседка по читальному залу снимает квартиру у подруги. Счета за электричество и газ выставляются не на ее имя. Не зная официального места жительства, ничего не выяснишь. Сьюзи Бейкер, которой он дал ключи от своей квартиры, словно и не существовало вовсе. Что-то тут было не так. Эндрю знал: его обостренное чутье редко его подводит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/mark-levi/silnee-straha-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)